

СМЕНА

Александр

16
1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОЙ, НЕ ЗРЯ ПОЮТ ДЕВЧАТА!

Слова Н. Букина.

Музыка К. Листова.

Весело, с озорством

Заметили

Ой, не зря поют девчата весело, хо-хо

у ре-ки. Е-дут к ним с военной службы боевые ма-ряки! Э-ге! О-го! Э-ге!

О-го! Е-дут к ним с военной службы бо-е-вые ма-ряки. Э-ге! О-го!

О-го! Э-ге! О-го! Е-дут к ним с военной службы бо-е-вые ма-ряки. Э-ге! О-го!

О-го! Э-ге! О-го! Е-дут к ним с военной службы бо-е-вые ма-ряки. Э-ге! О-го!

Ой, не зря поют девчата
Вечерами у реки.
Едут к ним с военной службы
Боевые моряки!

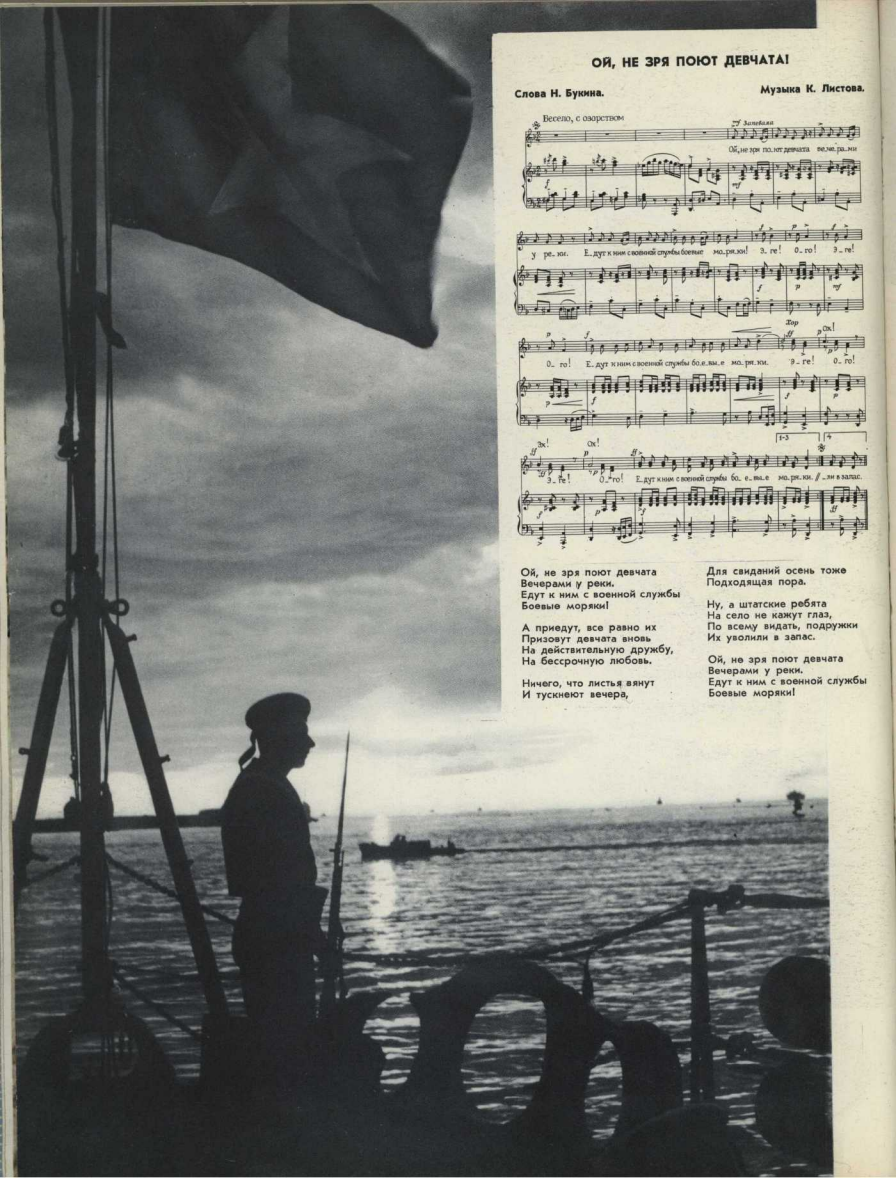
А придут, все равно их
Призовут девчата вновь
На действительную дружбу,
На бессрочную любовь.

Ничего, что листья вянут
И тускнеют вечера,

Для свиданий осень тоже
Подходящая пора.

Ну, а штегские ребята
На село не кажут глаз,
По всему видать, подружки
Их увалили в запас.

Ой, не зря поют девчата
Вечерами у реки.
Едут к ним с военной службы
Боевые моряки!

ШАХТЕРСКАЯ СМЕНА

Владимир ФРОЛОВ

Залитый утренним солнцем широко раскинулся город шахтеров. Яркие блики играют в окнах многоэтажных домов новой Караганды, вспыхивают на стеклах автобусов и трамваев, мчатся по старому городу, где возвышаются концы угольных шахт, высокие конусы терриконов.

По улице, оживленно разговаривая, идут бригадир Тимофей Лыгин, комбайнер Геннадий Шени и один из старейших шахтеров Караганды, Григорий Иванович Дыбак.

— Когда-то здесь англичане да французы орудовали, — рассказывает молодым шахтерам Григорий Иванович. — Были у них здесь жалкие шахтенки, разные «Джимми». Горбом да руками шахтеры уголек таскали. А как в двадцатом году турнули эти хозяева, так они, уходя, шахты затопили. Мол, кахать вам не откатят! Но шахтеры восстановили свои родные шахты, да разве только восстановили!.. Не узнать нынче Караганду!

Незаметно горняки пришли на наряд, переделели и спустились в шахту.

Освещая путь шахтерскими лампами, укрепленными на касках, они шли километровой людским ходом, подгоняемые сильным потоком свежего воздуха: его нагнетали в шахту мощные насосы. Длинный коридор, сплошь обранный с кровли и с боков толстым

сосновым крепежником, уходил по наклону вперед.

Миновая рудничный двор, подземный гараж электровозов и электрическую подстанцию, они направились в штрек.

Из глубины шахты навстречу им быстро надвигались огни электровоза. Мимо промчался состав вагонов, доверху нагруженных углем.

Луч света скользнул по лицу дезушки, управлявшей электровозом. Она была одета в теплогреюку и шахтерскую каску.

— Это кто? — спросил Дыбак.

— Люба Борисенко, — ответил Тимофей Лыгин, глядя вслед удаляющемуся поезду, — бывшая ремесленница. В шахте-то она черенка, не узнаешь. А разодеется на вечер в клуб — у парней глаза блещат, как антрацит..

На седьмом горизонте, у кругового опроекта, они встретили машиниста Кабиру Мажитову. Она то и дело нажимала кнопку, и лебедка продвигала вагонетку с углем, в своеобразный барабан, который затем переворачивал вагонетку вверх колесами. Уголь с грохотом сыпался вниз, в бункер, а оттуда по ленточному транспортеру шел на-гора. Ученица Рая Нюбикина записывала количество добытого угля.

— Сто пять! Сто шесть! Сто семь! — бойко выкрикивала она.

— Это наш барометр, — пошутил Геннадий Шени, кивнув в сторону ученицы. — По ее голосу можно сразу узнать, как у нас идут дела в Видиши, улыбается, — значит, дам уголек сверх плана.

До слуха донесся глухой, отдаленный гул. — Отпала! Породу взрывают, — сказал Дыбак. — Там Бригадин пробивается к новому горизонту... Смотри, Тимофей, догоняет он тебя..

— Посмотрим, потягиваемся, — спокойно ответил Лыгин и направился в штрек, где работала его бригада.

Погрузочная машина, похожая на приземистый экскаватор, грохоча и лязгая, захватывала металлической рукой взорванную породу и грузила в вагонетку. Машиной ловко управлял Григорий Ростов. Он разорачивал ее то вправо, то влево; по всему видно было, что знал он эту машину, как свои пять пальцев.

А рядом Александр Алчев и Григорий Челалко вели крепление. Каждый в бригаде Тимофея Лыгина владел всеми горняцкими профессиями, каждый мог и крепить, и бурить, и управлять погрузочной машиной.

Бригадой жарьда потягивал на часы, проверяя, как идет проходка. Дело в том, что

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 16. 1955 год.

Год
издания
32-й.

несколько дней назад он решил работать по-новому: вести проходку одновременно в двух забоях. Пока в одном забое убирают породу, в другом бурят скверы. Бригада Лыгина привнесла вместо двухметровых трехметровые буры. Это позволило закладывать больше взрывчатки.

Вот и сейчас, когда закончили уборку породы и в просверленные отверстия были забиты заряды, Тимофей дал знак, чтобы все ушли из забоя. Раздался оглушительный взрыв. А когда проходчики вернулись в забой, Тимофей Лыгин крикнул им:

— Наша взяла, ребята! Расчет точен!

***

На всех участках тридцать первой шахты шла упорная борьба за уголь. Начальник шахты Николай Данилович Посметуков рассказывал нам, как наращивались темпы добычи. Славные традиции у этой крупнейшей шахты России в Карагандинском бассейне здесь передавали из в исходное положение.

В графике по часам были расписаны все операции. Это требовало большой культуры труда, рационального комбайнов. Но инженеры, специалисты заботились о дальнейшей механизации шахты. Следует сказать, что на этой шахте механик Макаров создал несколько лет назад первый отечественный горный комбайн. Здесь рационализаторы Слепов, Губцов и Шнейдер усовершенствовали комбайн «Донбасс», добились того, что он полностью стал забирать пласт высотой в сто восемьдесят сантиметров. Это новшество сократило потери, дало дополнительно по три тысячи тонн угля в месяц, на каждом участке.

В кабинет начальника шахты вошел молодой комбайнер Геннадий Шенн. Николай Данилович протянул ему руку, повороченную когда-то в забое.

— Я вот по какому делу, Николай Данилович. Думаю вести добычу угля комбайном без предварительного рыхления пласта...

Лучший машинист-экскаваторщик Карагандинского угольного разреза комсомолец Николай Лисов. Он ежедневно выполняет норму на 150 и более процентов.

Шенн достал блокнот и подробно изложил свои соображения:

— Если мы усилим мотор и правильно укрепим зубки в режущей цепи комбайна, уголь подается. Не надо будет тратить взрывчатку на взрывание шпуров, отпалу и проветривание забоя.

Внимательно выслушав Шенна, Николай Данилович сказал:

— Завтра на техническом совете обсудим этот вопрос. Твои соображения устны. Очень важно, чтобы не было у нас настроений самоупокоенности: дескать, шахта план выполняет, чего еще больше! Мы так не можем, не нам работать на таком ходу.

Когда за комбайнером закрылась дверь, начальник шахты сказал:

— Как вырос парень!.. Был рассудительным, а теперь возрос молодежи, один из лучших шахтеров... На двенадцатый съезд комсомола ездят из нашего бассейна.

В любое дело Шенн вносит комсомольский огонь, молодой задор. Он одним из первых в Караганде освоил горный комбайн, первым давал за штурвал угленосивочной машины, первым на своем комбайне самую высокую выработку по всей Караганде. Да и сейчас члены его бригады Мамонтов, Айтанов, Буктугатов, Козалев и другие в лавах длиной в полтора метра заканчивают весь цикл за семь часов и выдают на-гора до 430 тонн угля в смену.

Одним из последователей Геннадия Шенна стал комбайнер казах Ерکش Таушкин.

С кажин равнем изумал Ерکش трудное шахтерское дело! Он работал крепильщиком, запальщиком, помощником машиниста. Но Ерکش хотел сам повести угольный комбайн.

Однажды он встретил в клубе старого шахтера Смагула Нуренова. На его груди сияли ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. Смагул лет тридцать проработал в шахтах. Ему было присвоено звание Почетного шахтера. Ерکش работал с ним в одной лаве, и молодому парню очень хотелось быть похожим на Нуренова.

Старый Смагул по-отечески положил руку на плечо Еркша и сказал ему:

— Шахтерское дело — трудное дело. Любить его надо крепко. Поработав на себе, увидишь — народ оценит тебя, помянет тебя. Я вот работаю, когда еще не было на шахте угольного комбайна. Руками частенько приходилось качать уголек. Страна давала нам сильные машины. Куда плечом ступил! Послушай тебе, как когда-то здесь, на шахте «Джиминь», — это тогда англичане владели — вместе электровозы были лошади, а то и сами люди возили уголь. И рубани его обущком. Да чужим...

Ерکش помнил слова старого шахтера. Он смирно и честно трудился в забое. Призырный гудок часто заставял его не дома, а уже на дороге к шахте.

И вот ему, комсомольцу, присвоили звание Почетного шахтера, также же, какое носит старый горняк, его тоже же, Смагул Нуренов. Когда они снова встретились, Смагул сказал ему:

— Слава, она, как беркут, зоркие глаза

имеет, видит, к кому нужно лететь, кто его достоин!

***

Однажды Геннадий Шенн, Тимофей Лыгин и Ерکش Таушкин пришли на смену вместе. Опустившись на лаву, они подождли, пока они пошли по людскому ходу. При свете электрических ламп виднелся толстый бровенчатый крепление, сплошь обрамлявший ходок.

Здесь было тихо, и Тимофей Лыгин продолжил разговор, начатый еще в замлоке: — Меня в двух секретаря парткома Жошкенова пригласил... Рассказывая, говорил, как была бригада вдвое ускорена проходку. Я уж хотел отказаться. Чего, думаю, хвастаться. Секретничать издумал! Не хочешь, чтобы по всей шахте была проходка ускорена! И вроде пристыдил меня. Ну, вот я и рассказал, как буры удлинили, как на многозабойные бурные передвинули. А в партком послушали. — Ну, такое решение: дескать, одобрить и почин и, конечно, распространить.

— Ну и правильно! — одобрял и сказал Геннадий. — Секреты у нас друг от друга не должно быть. Ведь у нас еще не все нормы выполняем.

— Ну, таких теперь мало, — возразил Тимофей.

— А ты Курмангалеева знаешь! — вмешался в разговор Тимофей.

— Еще бы! Его портрет рядом с твоим на Доске почта.

— Был да сплыл!

— Как сплыл!

— Прогулывай он, — сказал Ерکش, — напился, не вышел в шахту, нарушил дисциплину. Вот и сиял его портрет с Доски почта.

И правильно сделали!

Вскоре они разошлись по своим участкам. Геннадий дошел до штрака. Теперь его мысли сосредоточились на другом: возьмет ли комбайн пласт угля без предварительного рыхления?

С яростной силой вгрызаясь в черный пласт угля, в лавах зарывался машина. Беспырьвая рождающая цепь комбайна, оснащенная острыми зубьями, подрезала пласт по всей высоте лавы. Уголь дробился и падал на ленту транспортера, который сплошным потоком уносил его назад, где уже стоял состав вагонеток. Звела слегка подрагивала от работы мощной машины, от стука кувады, когда ими забивали клинья в металлические стойки крепильни. А может быть, гудела земля и оттого, что где-то недалеко работали другие комбайны, углетранспортеры, транспортеры — вся техника, которую дал народ горнякам.

***

Вечером Ерکش надел свой выходной шахтерский мушкетир и пошел в клуб на собрание. По углях его дождал Тимофей Лыгин. Он тоже был одет по-праздничному.

— Запоминай малость, — молвила Ерکش.

— Любилась, ответ шахтерам польской шахты «Гливице» прислал комсомолец Замеявелево писушкой о том нам прислал... А потом заявил к нам итальские сан Сан Ян и Ду Бао-шин. На практику приехали... Обещали к нам в забой прийти...

Проспект Сталина в городе Караганда.
В центре — Дом Советов.
Фото В. Сметанина.

Они вошли в клуб, когда собрание уже началось. Яркое освещенный зал был переполнен. На сцене стояло развернутое знамя Совета Министров СССР, врученное шахте за успехи в социалистическом соревновании. За столом сидели секретарь парткома, инженеры, шахтеры. Выступил начальник шахты Писметухов. На его тонком орлином носу поблескивали очки.

Периода на циклический метод работы, — говорил он, — коллектив досрочно выполнил годовой план, почти вдвое увеличил добычу в лавах. — Посмотрев в зал, где только что успели Лыгин и Таушкин, начальник шахты продолжал: — Мы ускорили прокладку. И в этом большая заслуга Тимофея Лыгина. Комбайнер Геннадий Шени усовершенствованным комбайном добывает по двадцать четыре тысячи тонн угля в месяц. Полторы нормы дает и комбайнер Таушкин. Они работают уже в счет 1956 года!

Он перечислил еще ряд фамилий, а потом сказал:

— Мы одержали серьезную победу! Но успеха не должны вскружить нам голову. У нас есть большие резервы. Нужно лучше использовать технику и так механизировать труд, чтобы к угляю не касалась рука шахтера. Это удешевит уголь. Дороговат еще уголь! Можем ли дешевле уголь давать стране! Можем!

И Николай Данилович рассказал о перспективах, о завтрашнем дне шахты. К электровозам, подвешенным ледяным, с японичным управлением, круглым опрессами и многому другому прибавится новая техника. Она позволит идти вперед еще более широким шагом.

Горняки тридцать первой шахты заняли ведущее место среди других угольных предприятий бассейна.

В бригаде Героя Социалистического Труда Г. Хайруллина хорошо работают молодые проходчики. Это дня в день перевыполняют эти задания. На снимке (справа налево): Г. Хайруллин, Г. Тончев, Г. Галиуллин и М. Ахмедшин перед спуском в шахту.

График циклическости стал непреложным законом на всех участках. По всей шахте теперь применялись только металлические крепление. На высоких скоростях водили машинисты электровозы по подземным путям. Все шире распространялось многозубоное бурение, больше становилось комплексных бригад.

А Геннадий Шени осыпал работу уже по новому графику. Его бригада теперь разрабатывала лаву в одну смену — вдвое быстрее. Большим успехом добились Тимофей Лыгин и Ерکش Таушкин. По их почину на всех шахтах шло широкое соревнование за досрочное выполнение пятилетнего плана.

И вот стало известно, что шахта вплотную подходит к выполнению пятилетки. В один из мартовских дней после смены Тимофей и Ерکش поднимались из шахты. Им казалось, что клеть двигалась медленно. Хотелось скорее узнать, загорелся ли звезда на копере.

Они вышли на улицу и встретили здесь Геннадия Шениа. Ерکش взглянул на копер и, подталкивая локтем Тимофея, сказал:

— Смотри, горит! Звезда горит!

В вечерней тьме горели бесчисленные огни шахтерского города, словно кто-то собрал с неба все звезды и щедрой рукой рассыпал их по земле. Среди этой золотой россыпи ярко сияла пятиконечная звезда, зажженная в честь трудовых побед. А выше этих огней плановыми терриконками: там, горела слезавшая годами порода с примесью угольной пыли. Сейчас в темноте, когда слабо угадывались расстояния, высокие конусы терриконов казались вулканами, на склонах которых догорала незастывшая лава.

Напряженно работают горняки тридцать первой шахты Карагандинского угольного бассейна. Они настойчиво добиваются новых трудовых успехов в честь предстоящего XX съезда Коммунистической партии.

Илья ГУЩИН В ШАХТЕРСКОМ ГОРОДКЕ

Крепильщики

Мы уходим по улугам и золотому угольиу. И проходим неотступен, и крепильщики начеку. Чуть шахтерского мудрица не уроним ниюгда.

Где-то падают, как гири, напши.
Дотюнула вода, — в шахту рвется грунтовая...

Тут прошла передова славной армии труда.

И крепильщики участка встали, словно патрули. Чуть поблескивают каски в антрацитовой пыли.

Не бывае у нас обалеу, зря беснуеся вода.
Бригадир — шахтер, бывалый, и бригада хоть куда.

Трииди горьк замлеприсеень — не отступит ни на шаг.
Чуть вода — уири крепильня ополаски наверхшлаг.

Стае уральского закала — не простой ирепеленый лес.
Из добротного металла ставим стойки под наевс.

Хороши у нас постройки и крепильщики-бригадир.
Наши рудничные стойки подпирают целый мир.

Кассир

Есть у нас кассир в Гобсанке.
По делам ему почет.
Безо войны работат в танке,
Кой-кому давал расчет.

Возвратился, Персаидка.
Принял кассира в штат.
Деньги требуют порядка.
А порядок знал солдат.

Для казны своей богатой
Он хозяин, он и друг.
Деньги строгого формата,
Как кирнички, вокруг.

Ни копелчки на ветер!
Но зато готов кассир
Отпустить всегда по свете
На строительство квартиру.

Да танки, чтоб в она солнице
Пролонжило лсный след,
Чтобы жить замлепрощадом
В тех квартирах по сто лет.

РАЗНЫМ ДРОГОГАИ

Рассказ

Рис. Д. Котлярова.

Бесконечным зеленым ковром раскинулся гушар. Только впереди попадаются ложбинки, заросшие кустами карликовой березы. Куда ни ступишь, из-под мха выступает корячая вода.

Прягая с кошки на кошку, Михаил Медведев украдкой поглядывал на свое новое начальство — инженера Союя Круглова, приехавшего в эти края после окончания института.

Отправив Медведева на задание, начальник топографической партии сказал ему: — Круглова первый раз на съезде, в тундре тоже впервые. Ты должен помочь ей.

Союя Круглова, прибывшая в лагерь в середине лета, первое время немалы дивья сидела в палатке одна, занималась обработкой планшетов. К ней забегали молодые топографы, элители попутить и поужинать за девушками, но Круглова отвечала на шутки таким холодным взглядом, что пропадало всякое желание говорить с ней. Союя прослыла незлодумкой. Это привлекло к ней Михаила Медведева, не любившего слишком веселых девиц, казавшихся ему легкомысленными и несамостоятельными.

Заговорить с Соней Михайл не решился. Да и о чем он мог говорить с ней? Она инженер, а он окончил всего-навсего восемь классов. Конечно, за годы службы в Военно-Морском Флоте и в время работы в экспедиции он многому научился, многое узнал. Но разве этого достаточно, чтобы Кругловой было интересно беседовать с ним? Михаил решил держаться подалее от Соны. А тут, как назло, его назначили работать с ней...

До самого места съезки Союя и Михаил шли молча. Он всю дорогу смущался и злился за это на себя.

Остановившись на краю ложбины, волею небольшой палатки, в которой накануне была оставлена рейка, тренога, топор и прочие вещи, необходимые для съезки, Михаил сказал:

— Здесь.

— Хорошо, — отозвался Круглова. — Давайте посидим немного. Я устала.

Михаил проворчал, что незачем терять попусту время, но все же сел.

— Вы на меня сердитесь, Медведев? — спросила Союя, дружелюбно улыбаясь. — Вам не хотелось разговаривать с Николаем Николаевичем?

— Нет. С чего вы взяли?

— И что вы по нему так хуже работаете. Ведь я новичок!

Круглова закинула руки за голову, поправляя косы. Медведев впервые так близко видел лицо Соны. Оно показалось ему необыкновенно красивым. На щеках от быстрой ходьбы разгорелся румянец, а глаза у девушки были такого же цвета, как вода голубых карельских озер.

— Михаил Медведев... надо же такое сказать... продолжала Круглова. — Я буду ждать вас просто Топтыгинем. Не обидитесь?

— Хоть горшком назовайте...

— А вы знаете, я рада, что вышла на съезку. Мне надоело в лагере. Все затекает и затекает разговору...

— Ну и что же? У нас народ хороший. Подружится со всеми, потому легче работать будет.

— Ах, да! Потом... Об этом я не подумала... Союя как-то отуждено улынулась и встала.

— Ну, за дело, Топтыгин.

Захватив рейку, Михаил отшел метров на сто и оглянулся. Круглова устанавливала кипрегель. Ветерок трепал концы ее теплого серого платка.

— Топтыгини, милый, отойдите левее! — доносил до Медведева его певучий голос. Михаил сделал вид, что не слышит. Ему хотелось, чтобы девушка еще раз повторила это слово, от которого стало радостно на душе. Но Союя молчала, показывая рукой место, на котором рабочий должен был установить рейку.

***

Летом в тундре полно-полно морщины. Россыпи ее краснеют везде, куда ни кинь взгляд. В начале сентября на ровных местах короста исчезает: порывы ветра сбивают ее на землю, зато в ложбинках, в затисках, среди кустов часто попадаются трюные верьвы заморозками крупнее, вкуснее ягоды. Михаил каждый день приносил их к обеду.

Союя хотела еда она третья морщина. Она обычно сидела, задумавшись, машинально доставала из кулака ягоды, а Михаил, лежа поодаль, любовался мягким профилем ее лица. В такие минуты мысли Соны витали далеко. Она переносилась из этой ажурной, неспертной тундры то в Москву, в клуб своего института, где так часто бывала на танцах, то в светлую и уютную квартиру в Северноморске, где оставил мать и отец...

Единственная дочь крупного, известного на севере инженера, Союя с детства ни в чем не знала отказа. Отец, занятый работой, мало бывал дома. Союя воспитывалась матерью, женщиной слабохарактерной и ее отличавшей педагогическими способностями. Она страстно увлекалась театром. В квартире Круглова постоянно были местные и заезжие актеры, певцы, музыканты. Союя привыкла к тому, что всегда находилась в центре внимания.

Окончив институт с отличием, она хотела пойти свободно, отдохнуть от наболевшей ей учебы. Но на этот раз впервые в ее жизнь вмешался отец. Сам бывший геолог, он считал лучшей школой для молодого инженера работу в экспе-

диции. Он и настоял на отправке Соны в тундру. Мать отпустила ее со слезами на глазах, выговорив у отца обещание, что Союя уедет только на одно лето.

Участники экспедиции, занятые будничными делами, казались девушке баллачными и скучными. Она старалась держаться подалее от них. Пожалуй, единственным в своем роде интересным человеком был рабочий Медведев.

С первого дня совместной работы Союя поняла, что этот молчаливый и даже угрюмый с виду парень влюблен в нее. Чувство Михаила проявлялось очень своеобразно. Он заболел за Союю, как о ребенке; делал за нее всю тяжелую работу, сам готовил обед.

Внезапно Медведев был довольно привлекателен. Союя нравилось его открытое, с твердыми, резкими чертами лицо. Ростом он был выше ее, широк в плечах. Густые черные волосы висели в крупные комья. Любопытство толкало Круглова на разговоры с Михаилом. Ей хотелось узнать, чем живет, о чем думает этот человек.

Однажды после обеда они отдыхали, лежа на берегу ручья. На горизонте недвижимо громадой висели темные тучи, казавшиеся надвигавшейся грозой. Несколько полярное солнце медленно клонилось к горизонту. Медведев, опершись на локти, смотрел вдаль.

— Что вы увидели там, Топтыгин? — поинтересовалась Союя.

— Вязу.

— Кто? — не поняла Круглова.

— Мне показалось, что откуда, с гор, поивается сейчас Каэбий на своем склоне. А поперек седла перекрутила Буза. Помпите у Лермонтова?

— Вы, оказывается, романтик! — засмеялась Союя.

Дальнейшую съезку им нужно было производить на другой стороне ручья. Михаил пошел по берегу, туча палкой в темноте, почти недвижимою воду и вернулся озобоченный.

— Везде глубоко. Я-то переяду, а с вами уж и не знаю, что делать.

В глазах Соны мелькнул лукавый огонек.

— А вы перенесите меня.

Медведев измумуркал, потоптался на месте, потом легко поднял ее на руки и занесал к воде.

— Сильный вы, Топтыгин, — сказала Союя, охватив рукой бронзовую шею Михаила.

Медведев не ответил. Он двинулся осторожно, ощущая свой дил.

— Точно в хорошем романе, — подумала Союя. — Дама в объятиях благородного рыцаря. Ей захотелось подурчаться, она испуганно вскрикнула, прижалась к Михаилу и легонько коснулась губами его щеки.

Медведев вахригнул, стремительно бросился вперед и, выбравшись на берег, осторожно опустил Союю на землю.

— Сходите за инструментом, — равнодушно сказала она.

Медведев повернулся и снова вошел в воду.

Остаток дня они работали молча, изредка прерываясь деловыми фразами. А когда возвращались в лагерь, Союя то и дело ловила на себе его недоумевшие взгляды и с трудом подавала улыбку. Сосудившиеся прикосновения казались ей очень интересными. Она представляла себе, как будут смеяться знакомые в городе, которым она расскажет за чашкой чая эту историю.

***

Вечером, когда они вернулись в лагерь, Союя не смогла ни читать, ни мечтать, как обычно. Какое-то странное чувство тревожило ее.

Захотелось пойти посмотреть, что делает Михаил.

Медведев жил в соседней палатке вместе с Николаем Николаевичем Колобоком, начальником партии. Колобок провел в туздре не меньше двадцати лет. Он хорошо знал отца Соны. Маленький, худощавый и длинноногий, он любил пошуметь, покривить на топониме, но все знал, что он добрый и мягкий человек, не боялся его и в глаза ласково звали «бате». Если кто-нибудь в его присутствии франтил туздру, Николай Николаевич воспринимал это как личное оскорбление.

— Молоды это критиковать, зеленые! — кричал, теревя рыжую бороду. — Вы походите по ней, по туздре-то, какой покормите, порабатаете. Еще права не заслужили критику набить...

Соня старалась реже видеться с Колобоком. Она испытывала неприязнь к нему. Да и Николай Николаевич не особенно жаловал Крутого. Вглядя его, казалось, говорил Соня: «Ты у нас человек случайный и долго не удержишься. Папа тебя прислал, папа и заберет. Ты здесь нечего поделат».

Преодолев нежелание видеть начальника, Соня решила все-таки зайти в мужскую палатку — к Михаилу. Она удивилась, застав Медведева и Колобока за разбором геометрической теоремы, знакомой ей со школьных лет.

Кроме Соны, в палатке оказались еще один гость — инженер Маша Лозовая. Полная, невысокая Маша была самым незаметным человеком в экспедиции. Говорила она тихо, ходила неторопливо. Казалось, невостребованная, эта медлительная девушка выполняла на лето больше работы, чем опытные, вертлявые виды топографы.

— Маша сидела за дощатым столом, шпота являл Медведева. Маленькие позыные пальцы ее локтя орудовали иглой.

— Дожд стих, жажда? — спросила она.

— Немного. Но такая тупь вокруг — ноги не вытянешь.

— Да, зима скоро, — вздохнула Лозовая, откусив нитку. Она встала, поправила сапоги Медведева, просящими возле печки, бросила на колени Михаила ватник и взерошила рукой его черные кудри.

— Спасибо, Маша, — поблагодарил Медведев.

— Ноги на здоровье. Ну, и пойду. Спокойной ночи.

— Интересно: она сама взялась починить или он попросил ее? — подумала Соня, чувствуя, как растет в ней неприязнь к этой курносой тигхоне. И тут же усмехнулась: «Что это за? Уж не решаю ли?»

— Хватит, — услышала она голос Колобока. — Хватит на сегодня. Человек в гости пришел, а мы — нас в кингу.

— Что это вы за науку вызялись? — поинтересовалась Соня.

В вечернюю школу готовилось. В девятый класс. А Николай Николаевич помогать мне.

— Такой взрослый — и за парту с десятиками... О чем же вы раньше думали?

Михаил пожал плечами, пригладил взлохмаченные волосы.

— Времена не было.

— Ну, знаете, на это всегда время найти можно, — уверенно заявила Соня. — Было бы желание. Голубей, наверно, гонять любите?

Медведев не успел ответить — в разговор вмешался Колобок.

— Если не ошибаюсь, вы зимой в школу на папашину машинку ездили, чтобы не простудиться, верно?

— Да, — ответила удивленная Соня. — Но при чем тут машинка?

— А вот при чем. У вас тогда одна забота была, как бы пальце не измать. А этот молодой человек, — Николай Николаевич кинула на Михаила, — с шестидцати лет на лесовую работу пошел. У него одна мать-старуха, он кормилец. Голубей гонять ему некогда было. Вот так-то...

— Простите, я не знала этого.

— А пора бы и знать, — сухо заметил Колобок. — Уже месяц работаете.

Крутого поспешно у них списали, потому что в палатке в спальный мешок, долго думала о том, что Колобок резок и нетактичен, а Маша Лозовая, мысли которой заняты только погодой да съёмкой, — серия посредственности...

***

— Помини, Миша, дорогу до реки Каменной? — спросил как-то Николай Николаевич. — Конечно.

Тут, в излучине, — Колобок ткнул пальцем в карман — и было белое пятно. Нужно успеть сделать хотя бы глазомерную съёмку. Думая так, послал.

Медведев кивнул.

Дорога заняла день. Работы хватит дня на два, — мы послезавтра отправимся заперь и уйдём к морю, в поселок Поворотный. Будем там ждать самолетов. Так что с Каменной нам придется идти прямо в поселок. Это полстотни километров. Значит, на все путешествие пять дней.

— Хорошо.

Выдержка Медведева всегда восхищала Колобока. «Кремень! Куда хочешь пойдёшь и что хочешь сделаешь» — думал он. — Вот такие крепкие у нас укроевские в старшину Камчатку да Аляску открывались.

— Как думаете, Крутого справится? Не раскиснет в дороге? Может, Лозовую послать? — Нет, нет, справится. С необычной поспешностью отозвался Николай.

— Колобок пристально посмотрел на него, улыбаясь.

— Ну, будь по-твоему. Или получай продукты, палатку. А Крутого пока мне принеси. Я ей задание объясню.

Готовясь в путь, Михаил раздумывал над тем, почему Колобок с недоверием относится к Соле. Работала девушка хоть и без огня, но вполне исправно, не жаловалась на трудности. То, что Соня держалась особливой в экспедиции, Михаил объяснял замкнутостью ее характера. Девушка недавно из института, не успела привыкнуть к людям.

Когда они оказывались вдвоем, Соня любила поговорить о театре, о кинематографе. Она знала много стихов и красиво, с чувством читала их. Медведев уже так привык к Круговой, что сердце его сжималось при мысли о неизбежной разлуке.

— Как всякий счастливый человек, Медведев, отправившись в дальний путь, не думал ни о прошлом, ни о будущем. Соня была рядом с ним, он видел ее, слышал ее голос, и этого было достаточно.

Погода стояла чудесная. Легкий морозец скрывал поверхность болот и мелких ручейков. Над туздрой стояла ничем не нарушаемая тишина. Слышно было только, как звонко похрустывают под ногами тоненькие льдинки.

До реки Каменной добрались еще незаметно и, чтобы не терять время, сразу же начали съёмку.

В последнее время отношения между Солей и Михаилом изменились. Внешне все осталось прежним. Но Медведев видел, что девушка скучает без него, ищет его общества. Когда они оставались вдвоем, глаза Соны теплели, в голосе звучали ласковые нотки.

Незаметно пролетели два дня. Съёмка была закончена. В сумерках, захватив котюшек, Медведев отправился за водой. Все ближе подкрадывалась темнота. Из-за раного, хлопкозаводской края тучи вынырнул белый человек меска, отразился на скользкой поверхности реки и снова исчез. Медведева охватила тревога. Что-то недоброе чудилось ему в шестидесяти пятилетнем карликовом бере, а плеске воды. Душный короткими порывами ветер не предвещал ничего хорошего. Михаил быстро пошел к стоянке.

Проверив на ощупь крепление, влез в палатку.

— Боясь, потопла, влезнул, — сказал он.

— Не беда. Теперь уже не важно.

Круговая проморгала это таким беззаботным тоном, что Михаил невольно улыбнулся. Конечно, откуда ей знать о снежных, смешанных с дождем бурных, которые бунтуют здесь в начале октября.

Поежившись, он снял ватник, зажёл электрический фонарик и остановился в недоумении. Обычно они спали какнайв в своем мешке, а на этот раз Соня последовала за медком. Михаила, легла на него и укрывала шерстью своим. Лично Медведева было в тени, но Соня поняла, а видно, что он удивлен.

— Так будет теплее, — объяснила она.

Собравшись в сон, Соня заметила, что Медведев опустился на мешок рядом с ней. Дожидать было неудобно, но он боялся пошевелиться.

— Ты знаешь, о чем я думала без тебя? — спросила Соня шепотом, словно их могли услы-

шать. — Ты ушел, и мне стало вдруг так скучно. Я поучствовала себя очень одинокой. Я много ездила, видела много разных людей, но ни с кем мне не было так хорошо, как с тобой.

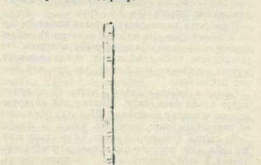
Она придвинулась к нему так близко, что ее волосы зашевелились его лицо. От них шел какой-то особый, волнующий запах. То ли от ее слов, то ли от этого запаха у Михаила сильно отозвалось сердце. Он приподнялся, губы его коснулись ее горячих и влажных губ. Соня отложила его голову, на секунду прижалась к ней лицом, потом легонько оттолкнула Михаила.

— Наверно, и люблю тебя... Только что лежи спокойно. Ты ведь тоже любишь меня?

***

Михаил проснулся перед рассветом и сразу понял: случилось то, чего он боялся. Вокруг все было затнуто белой туманой. Ветер со снегом обрушился на палатку тулыми волнами.

В такую погоду лучше всего оставаться в спальном мешке, сберечь тепло, и ждать, пока уляжется пурга. Но Медведеву нельзя было ждать. Ветер нарастал, пурга толпой начиналась. Она могла продлиться двое — трое суток, а то и неделю. А продовольствия хватит не больше, чем на три дня. Значит, нужно собираться в дорогу.

Медведев поставил на спиртовку банку консервов и, раздвинув по посе, побежал к реке. Развяз каблучком тонкий лёд, он почистил зубы, сполоснул лицо, руки, шею. Пока бежал обратно в палатку, брови волосом его зашевелились. Вытираясь шерстяным полотенцем, он чувствовал, как тело наливается бодностью. Девушка с улыбкой наблюдала за ним из-под опущенных век.

— Ты не спишь? — спросившись Михаил, торопливо надевая ватник.

— Как не хочется забаву, — протинула она.

— А ты положи еще мину десять.— Мелведе поставил возле нее банку консервов, достал хлеб.— Поешь, потом пойдем.

Заметив полосу снега у входа в палатку, Соня спросила:

— Пурга?
— Да. Но нужно идти.
— Все это так интересно и необыкновенно,— сказала Соня, улыбаясь.— Ты, тундра, консервы, пурга. Я думаю, что так может быть только в камчат. У Джоза Лондона, например.— Давай останемся тут навсегда, Тоттыгьи. Вель нам будет скучно вдвоем?

— У нас продуктов только на три дня.
— Фу, какая проза!— Соня потянулась и принялась занырять косу.
— Это не проза. Это жизнь,— сказал Михаил, помогая немого, добавил:— Пора вставать. Надо свернуть мешки.— Утро будет бросить: ветер навстречу, тяжело будет.

Вскоре они отправились в путь. Утро было серым и туманным. Все туше вылезл снег. Михаил, наклонившись вперед, упрямо шагал навстречу ветру, то и дело поглядывая на компас. Соня шла сзади. Мелведе не останавливался и не оборачивался. К концу дня девушка уже еле передвигала ноги.

Когда Михаил ввел Соню в старое, с низкими потолком, заброшенное зимовье, он с изумлением опустился на нары.

В избушке возле пещеры была навалена куча колотых дров. На полочке у двери Мелведе напихал соль, связку вяленой рыбы и спички. На севере есть неписаный закон: покуда жилье, путник оставляет, что может, для тех, кто придет после него.

Скоро в зимовье стало тепло, но девушку вдруг начал бить озноб. Михаил дал ей кружку чая и пилотку шоколада. Шоколад оказался ей неусушим, зато пилюля она много и жадно.

За стеной бешовался ветер. Соня стала жаловаться. Для того что она ушла, чтобы очутиться в этой грязной избе, на краю света? Соня тихою заплакала.

Мелведе заметил, что девушка пала ахром, но успокаивая себя тем, что, отдохнув, она вновь обрывается. Когда поспела каша, спросил:

— Будем ужинать?
— Я не хочу.

Михаил почти насильно вложил ей в руку ложку. В пещуре вспыхнуло, затрещало смолодкое пламя. Брызжовый свет осветил лицо девушки, глаза, полные слез. Стольким беспомощности и огорчения было в ее взгляде, что Михаил задохнулся от жалости. Она потянулась к нему, и он обнял ее за плечи. Соня захихикала на минутку, потом разрыдалась, вздрагивая всем телом.

— Мне холодно... Я вся дрожу...
— Ты ела снег?— спросил он строго.

— Ому горсточку.
— Я же говорил: нельзя!

Теперь ему стала понятна причина ее усталости и подавленного настроения. Мелведе растерял на нарах спальный мешок, стянул с него Соня сапоги.

— Не надо! Я сама,— слабо защищалась она.
— Молчи уж.

Он уложил ее и накрыл вторым спальным мешком. Видны из спиритской остилки спирта разлился его водкой и поднес кружку к губам Соня.

— Пей. Согорешься — легче будет.
Вскоре девушка уснула, а Мелведе воюю ночь просидел возле пещеры, и только осветить с поетей.

Заметив, что глаза ее вновь полны слез, Михаил сказал утробно:

— Ну-ну, не рев. Не маленькая.
Позавтрак, Соня, снова уснула. Мелведе пилет рядом с ней, задумался. Ему было ясно, что она поднимается в лучшем случае только через неделю. Он решил питаться вяленой рыбой, а оставшиеся продукты сберечь для Соня. Когда Соня поправится настолько, что сможет поддерживать огонь в пещке, он пойдет за попомью в поселок: другого выхода нет.

Время тянулось медленно. Мелведе пытался представить себе, как вернется он в эти края через семь лет инженеро-строителя. Два года в школе, пять в институте — срок Михаил определял точно. Работы здесь непочатый край. На берегу моря, на месте поселка Поворотного вырастет город, пролягут по тундре дороги. Вместе с Соней он будет осваивать эти

обширные просторы. Разве это не замечательная цель в жизни? Правда, Соня промолчала, когда он поделился с ней своими мыслями. Но Мелведе верил: раз Соня смогла полюбить его, она полюбит и мечты, которыми он живет...

К ночи Соня почувствовала себя лучше. Температура все еще, видимо, держалась, но девушка повеселела, даже попыталась пошутить, назвала Михаила «скупачком» и посоветовала ему написать трактат «Медицинская помощь в условиях каменного века».

— Тебе придется полежать пару дней, а я завтра пойду к нашим,— сказала Мелведе.— Вернусь на оленях и заберу тебя.

— Но мне страшно одной!
— Так нужно.

Он долго сидел возле нее. Глазя рукой его кололечку, небритую щеку, Соня спросила:

— Ты не заблудишься?
— Что ты! Пойду напрямк на север, к морю. Через сутки вернусь.

Соня приподнялась на нарах и процептала:

— А вель я, кажется, действительно люблю тебя, Тоттыгьи.

***

Трудно ходить по тундре летом, но еще труднее и опаснее в начале зимы, когда первые морозы затрясли многочисленные ручьи и речонки тонкой коркой льда, а снег срывает их с берегами, ссылаясь незаметными для глаза. Поберегами, следящая незаметными для глаза. Поберегами, следящая незаметными для глаза. Поберегами, следящая незаметными для глаза.

До берега моря он добрался к вечеру. Мутные волны с шумом выкатывались из-под белой завесы пурги и с шипением разбивались о берег.

Вперед был самый трудный участок пути. Предстояло перейти мелкую речонку и несколько ручьев. Мелведе шел осторожно, прислушиваясь палкой субтрой.

Устье реки Михаил опознал по избушке, в которой летом жили рыбаки из поселка. Мелведе захотелось отдохнуть и выдохнуть. Мелведе опознал по избушке, в которой летом жили рыбаки из поселка. Мелведе захотелось отдохнуть и выдохнуть. Мелведе опознал по избушке, в которой летом жили рыбаки из поселка.

Провалился он неожиданно в правую ногу ударила в грудь, и сапог потекла вода. Ручей был мелкий, и нога коснулась дна. Михаил рванулся что было сил. Просторные голенище зацепилось за край пурги, и сапог остался в воде. Мелведе позв на четвереньках до тех пор, пока не почувствовал под собой твердую землю. Мокрый носок и штанина тотчас обле-

делили. Михаилу охватил страх. Он хорошо понимал, что угрожает ему, если придется часа два пробыть на морозе. А до поселка оставалось еще километров семь. Он вскочил и побегол.

Ступню правой ноги жгло, точно к ней прикадывали раскаленное железо. Потом она онемела.

Михаил несколько раз присаживался, отрывал ступню, снова бежал навстречу ветру, дышался и чувствовал, как уходит сила. Он устал, попробовал пошевелить, но ветер швырял его назад, потом снова вскочил и побегол, пока ветер опять не свалил его. Он уже совсем не чувствовал правой ступни и не думал о ней. Мысли его были заняты другим: как бы не пропал мимо жилища. В крошечной темноте можно не заметить те пять—шесть домиков, что составляют поселок Поворотный.

Михаил закричал от радости, когда увидел впереди тусклый желтый огонек. Добравшись до крыльца, он толкнул дверь. В лицо пахнуло теплом.

Михаил увидел удивленное лицо Колобка. От тепла, от запаха пищи у Мелведе закружились голова. Он покосился и прислонился к стене.

Лозовая, опрокинув табуретку, бросилась к нему, подхватила под руку.

— Соня на Каменном зимовье,— сказал он, с трудом пелевая замерзшими губами.

Михаила раздели, уложил на кровать, дали спирту. Маша растаплила его онемевшую ногу. Николай Николаевич быстро ходил по комнате, подогревая правую борозку.

— Мальчишка!— кричал он.— Куда тебя понесло? Ешь утроб за вами две оленя упряжки лошади.

— Но мы же на новом месте. И Соня больная.

— Неужели я не знал, где вас искали?— не унимался Колобок.— Упряжки с реки на зимовье пойдут! Ах, какой же ты троецки! — Он вцепился руками, сез разом с Мелведем и сказал неожиданно ласково: — А вообще молодцы. Ну, рассказывай все с самого начала... Бесполокны мои о вас.

Михаилу было хорошо среди друзей, и только мысль о Соня, оставшейся на зимовье, мучила его. Несмотря на усталость, он не успел до тех пор, пока не расплавились дверь и на пороге в клубок не появилась тепло укутанная Соня.

***

— Знаешь, Тоттыгьи, как-то не верится, что через час я буду у Северного зимовья, увижу маму, знакомых. Я так отвык от всякой цивилизации,— говорила Соня, глядя на пропавшуюся под крылом самолета землю.— У меня такое ощущение, будто эти три месяца были сном, а сейчас я возвращаюсь к реальной жизни.

По мере приближения к Североморску Михаил все мрачней, не представляя себе, как он сможет расплатиться. Соней хотя бы на сутки. Девушка не замечала этого. Она сказала, без умолку говорила, некая ее раздумались от возбуждения.

— Когда мы увидимся? — спросил Михаил. — Увидимся? — Она — потеряла ладошкой лоб — У тебя есть телефон? Нет? Тогда запиши мой.

Визу появилась широкая темная лента реки, на горизонте возникли авиолетные тучи. Люди в самолете ожидают. Машина сделала круг и мигом покатилась по дорожке аэродрома, без звука.

Соня бросилась к выходу, волоча за собой рюкзака. Медведев не спешил. Он знал, что встретить его никто не придет. Из самолета он вышел последний. Обвороженная лица поблаивала. Спустился по крутой лесенке на землю Михаилу помог пилот.

Медведев привычно поправил лямки рюкзака и пошел вокруг, шурша от солнца. Совсем недавно прошел дождь, на летней дорожке бегтели дорожки, воздух был сырой и теплый.

Медведев поиска глазами Соню, но ее уже не было. Опираясь на палку, он неторопливо двинулся к воротам. Миновав проходушку, Михаил заметил Крутояру. Приехала в тундре букет живых цветов, она торжественно рассказывала что-то пожилой женщине, которая то и дело хохотала.

Голосом обе они положили к бешенству ламком «ЗИМ», дверца захлопнулись, и автомобиль тронулся. Михаил, прихрамывая, шагнул по дороге. «Даже не вспомнил, не оглянулся!» — с горечью думал он.

Медведев прошел уже с полкилометра, когда его обогнал служебный автомобиль. За стеклом промелькнули знакомые лица топографов. Автомобус остановился, дружеские руки подхватили Михаила.

— Мы по аэродрому тебя искали! — вырвалось у одного из них. — Решил прогнаться? — усмехнулся Медведев.

— Это с большой ногой-то! — Лозовая востично покачала головой. — Сиди уж, землепроходец. Я попрошу, чтобы тебе довезли до дому.

Михаил был рад, что никто не спрашивает о нем. Медведев жил на окраине города, на ягодниках; место здесь было болотистое, дома стояли на сваях. Сердце Михаила дрогнуло, когда навстречу ему выбежала старенькая, совсем седая мать.

— Как жила без меня, мама? — заскочил спросил Медведев, войдя с ней в дом и чувствуя, как таит дедок, оставшийся после отъезда Соня.

— Все хорошо, сынок. Только о тебе душа заболела. Может, не будешь больше скитаться, здесь поработаешь? — Привык я к тундре, мама, — улыбнулся Михаил. — Это уже на всю жизнь теперь.

Вечером Медведев отправился в школу. Директор, поймав тундряка, обиделся в пенисе, просмотрел его документы и сказал:

— Мы вас примем, но учиться вам будет очень трудно.

— Это я знаю. Домой Медведев вернулся позно.

— Ты что это сбежал и со мной не поговорила толком, — обиделась мать. — У приятеля, небось, пропала? — Не у приятеля, мамка! В школу поступил.

— Ну и сумасшедший, — рассмеялась мать. — Весь в батю ногу, непоседа.

***

Следующий день был воскресный. Михаил несколько раз порывался позвонить Соню, но сдерживал себя: не мог забыть цены у ворот аэродрома. В понедельник он с утра отправился в Управление экспедиции, оформил отпуск, получил деньги. Все дела были окончены, и он не спешил уходить, надеясь встретить Соню. Но она не появлялась. После обещанного перерыва Медведев зашел в фотолaborаторию побыткать с фотоаппаратом. Там и рассекла его курьер Нора, поджидая, смехливая девушка.

— Просили передать вам записку. — Кто? — дрогнувшим голосом спросил Михаил.

— Какой-то дяленька на машине приезжал. Нора хихикнула и улыбалась. Развернув бумажечку, Медведев узнал толстого, небрежный номер Крутоярой. «Топтани, по вторнику у меня соберутся знакомые. Приходи к семи. Адрес ты знаешь. Соня».

«Ну что же, к семи так к семи, — с каким-то равнодушием подумал он. — Хорошо, что у меня записки нет!».

Дом он еще раз перечитал аккуратно, долго, до самого вечера, лежал на койке, стиснув зубы и глядя в потолок. После всего, что они пережили влэвом, Соня считала его просто знакомым. Так можно было позвать на ее записки. Ну что же, спасибо и на то.

Во вторник Михаил пошел к Крутояром. Дверь ему открыла Соня. Брови ее удивленно взметнулись, она привыкла видеть Медведева в летнем ватнике и порывавшихся сапогах, а на этот раз Михаил был в синем костюме и шелковой рубашке. Чисто выбритое лицо его казалось помпозным.

Соня хотела пошевелить его, оглянувшись, не видит ли их, покраснела и отступила на шаг. — Ты так рано! — сказала она. — Еще никто не пришел. И я не успела переодеться.

— Я могу подождать! — В голосе Михаила прозвучала обида. — Нет, нет! Идем!

Она усадила его в мягкое кресло с резными ручками, сувила в руки журнал и убежала. Михаил, минимально перерывавшись страницей, осматривал просторную комнату. Пол устлали мягкие ковры. На стенах висели картины. Тяжелые шторы на окнах были задернуты.

Вскоре к Медведеву вышла пожилая женщина, которую он видел в аэропорту. На ней было длинное вечернее платье. Глядя на него голубыми, как у Соня, глазами, она протянула руку.

— Вероника Константиновна... Софа рассказала о вас. Я, право, очень рада... Звонок, вознамерившись о приходе гостей, не дал ей договорить. Она извинилась и пожелала в переднюю.

Вскоре появилась Соня, и Медведев невольно забавлялся ею. Она была в таком же, как мать, черном платье с белым кружевным воротничком. Толстые лямочные косы, которые она обычно прятала под ватником, свободно трепыхались у нее за спиной.

— Что же ты не звонил мне? — спросила она. — А ты не догадываешься почему?

— Нет! Разве что-нибудь случилось? Удивительно, это было настолько чистосердечным, что Михаил постылся сказать о своей ошибке.

— Поступил в школу, — коротко объяснил он. — Ах, да! Я и забыла. — А ты поминишь вообще-то, о чем говорили мы там, в тундре?

Она хохотала, сказала тихо: — Конечно, помню... Но сейчас не надо об этом... Вот и гости идут.

Комната наполнилась людьми. Медведев с любопытством разглядывал их. Собираясь к Соню, он думал, что будет стесняться среди незнакомых людей. Но, как ни странно, он не испытывал неловкости.

Очень понравился Михаилу двоюродный брат Соня — моряк торгового флота, плотный, с серьезными строгими глазами. Он пришел поздравить всех, кивнув гостям, перекрестив гостиную, крепко пожал руку Медведеву и сел рядом с ним.

— Слышал, как вы с нашей безборкой путешествовали. Хватила, небось, горю? — Женя! — прервала его Соня с приторным возмущением.

— Шушу, шушу, — улыбнулся он. — Да ты не стой возле нас. Или занимай своих кавалеров... А симпатичная у меня встреча, — не без гордости добавил, кивнув в сторону отхода.

— Прону к столу, — пригласила Вероника Константиновна.

Все перешли в другую комнату, и здесь Медведеву пришлось все-таки испытать некоторое смущение. Его отбуржили пальцы с трудом справлялись с маленькими тарелочками.

— Мирон Григорьевич не придет? — спросил Евгений.

— Нет, как всегда, — вздохнула Соня. — Папа звонил, сказал, что занят... Разговор за столом перескакивал с одной темы на другую.

— Холодно в тундре? — спросила Вероника Константиновна, обращаясь к Медведеву. — Это вы мне раныя. Зато и лето раньше наступит. Придется нам с Соней в начале июня вылетать.

— Нет уж, хватит! — возразила Вероника Константиновна. Михаил вспоростелю посмотрел на девушку.

— Меня уже перевели в аппарат Управления экспедиции, — сказала Соня и добавила, будто извиняясь: — Это до моего приезда. Я и не знала.

— Значит, разошлись ваши пути-дорожки! — усмехнулся Евгений.

После ужина начались танцы. Михаил молча смотрел на кружащиеся пары. К нему пристально подбежала Соня.

— Подем танцевать, Топтани! Медведев хотел сказать, что у него болит нога, но вместо этого ответил холодно: — Я не танцую. И вообще пора идти. Проводите меня.

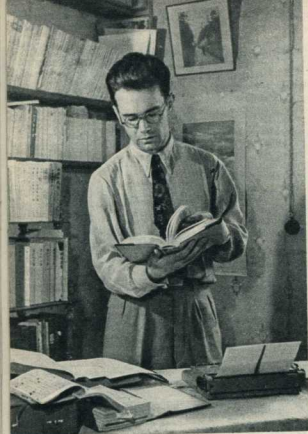
Он попрощался и вышел в коридор. Соня с испугом поглядывала на его суровое лицо. Девушка понимала, что сейчас должно произойти то, чего она боялась и старалась избежать весь вечер.

Михаил достал папиросу, шелкнул зажигалкой. Соня на секунду увидела его глаза. Такая боль отражалась в них, что девушка невольно отблеяла взгляд.

— Так ты не вернешься в тундру? — спросил Михаил. — Я мне не решила, — торжественно заговорила Соня. — Папа не хочет, чтобы я сидела в управлении. Но я боюсь огорчить маму. Я еще поеду.

— Соня! — тихо сказал Медведев и положил ей руку на плечо. — Соня! Мне надо поговорить с тобой... — Не сейчас! Как-нибудь после! — прервала его девушка. — Может, выйдем на улицу? — предложил Михаил. Соня приоткрыла дверь. На нее повеяло холодом и сыростью. — Куда ты пропала, Софонка? — послышался голос Вероники Константиновны. — Вот видишь, меня зовут, — через силу улыбнулась Соня. — Ну, прощай!

ДИПЛОМ С ОТЛИЧИЕМ

Этот день навсегда останется в памяти Михаила Крюкова. Михаила научила пугать в жизни: он защитил дипломную работу, подводящую итог большому и напряженному труду.

Работа Крюкова называлась так: «Древнекитайский историк Сыма Цянь и его «Исторические записки»».

Сыма Цянь — основоположник китайской научной историографии VII в. до н. э. в I веке до нашей эры. Просвещенный человек своего времени, историк, философ, литератор и экономист, он оставил «Записки», которые явились первым научным трудом по всеобщей истории великой страны, основных источников сведений о Китае той поры. Его исторический метод послужил образцом для последующих поколений историков.

Написанный на шелке (бумага тогда еще не была изобретена) классический труд Сыма Цяня состоит из 130 глав. Первоначально он распространялся в виде рукописей. Изданы были «Исторические записки» лишь десять веков спустя, и до сих пор не полностью. Ни один из переводов на европейские языки не был исчерпывающим. Наиболее полным, примерно треть работы, считался перевод, сделанный в начале нашего столетия известным французским китайведом Шаваном, который написал большое исследование о Сыма Цяне. Но методология Шавана не могла удовлетворить советского студента: французский ученый придерживался расистских концепций и пытался доказать, что китайцы не способны создавать такие ценные работы, какие есть, например, у древних греков. В современном европейском Китаеведению до сих пор нет объективных и всесторонних монографий о Сыма Цяне, его историческом методе и мировоззрении. Работы, написанные в Китае в годы власти гоминдановцев, полны грубейших ошибок и извращений, сделанных в угоду господствовавшей в то время идеологии.

Михаил Крюков обратился к новейшим источникам — трудом современных прославленных китайских ученых и историков-коммунистов. Они создали первые научно обоснованные исследования о Сыма Цяне. Декан исторического факультета Пекинского университета Цзянь Бо-цзянь в

своей монографии дал подробный анализ трудов Сыма Цяня, а Ли Чан-цзи — профессор языка и литературы Пекинского педагогического института — поставил свою работу, изучению роли китайского ученого в формировании литературы. Эти исследования очень помогли Крюкову.

Труд Сыма Цяня написан на древнекитайском языке, который существенно отличается от современного. Крюков изучил древнекитайский язык. Это было нелегко, но зато потом он мог читать «Записки» Сыма Цяня в подлиннике. Китайский историк предельно подробно пытался исследовать таким, каким он был в действительности, — не «святым», перед которым преклонялись суверенные, нежесточивые люди, и не только просвещенным, как его показывали европейские ученые. Шаг за шагом Крюков постигал философию Сыма Цяня, его мировоззрение.

И все же это была лишь первая ступень. Для того, чтобы окончательно развенчать некоторых европейских ученых, искавших классическое наследие Сыма Цяня, необходимо было прочесть и труды этих ученых. Студент Крюков изучает английский, французский, немецкий и японский языки. Он читает в подлинниках все работы о Сыма Цяне, вышедшие в разных странах.

В конце прошлого года в Москву приехал ансамбль песни и пляски Китайской Народной-освободительной армии. Крюков был послан в ансамбль в качестве переводчика. Как-то концертмейстер Линь Шу-пин спросил его о теме дипломной работы. Усмехаясь, что Крюков пишет исследование о Сыма Цяне, Линь Шу-пин удивился: это необычайно трудная тема. А начальник ансамбля генерал Чень И заявил несколько вопросов Крюкову по одной из 130 глав «Исторических записок». Ответы поразили Чень И, и он обещал по возвращении в Пекин прислать дипломату токовый словарь древнекитайского языка, который необходим при работе над текстом Сыма Цяня.

Чень И сдержал слово. Токовый словарь был прислан Крюкову. Вскоре юноша получил и второй подарок — все 130 глав «Исторических записок». Их привез артист оркестра ансамбля Чжан Соань, который до службы в армии учился в Пекинском университете и очень увлекается историей своей страны.

Два года Крюков напряженно работал над дипломом. Не раз ему бывало трудно. Однажды он вспомнил, что концертмейстер китайского ансамбля Линь Шу-пин советовал ему написать в Пекинский университет, если будет нужна помощь. Крюков так и сделал. Первый ответ ему прислала кафедра древней истории исторического факультета. Письмо содержало ценные советы о том, какой литературой пользоваться. Вскоре пришло и письмо от профессора Цзянь Бо-цзяня. Это было взыскательное послание китайского ученого советскому студенту. «Я рад тому, — писал декан, — что мою монографию помогла вам при написании дипломной работы. Но еще больше я рад тому, что советский студент, преодолев трудности в овладении древнекитайским языком и в прочтении текста Сыма Цяня, взялся за изучение его труда. Приятно, что вы уже добились первых творческих успехов».

«Наступила дене защиты диплома. Члены комиссии, крупные советские специалисты по истории стран Востока дали высокую оценку исследованию Михаила Крюкова. Его научный руководитель кандидат исторических наук А. И. Думан сказал:

— В дипломной работе обобщен огромный материал европейских и китайских авторов. Крюков, следуя по стопам современных ученых Китая, сделал к каждой главе «Исторических записок» свои оригинальные выводы. На русском языке это будет первая всеобъемлющая биография Сыма Цяня.

Диплом получил оценку «отлично». Перед Михаилом Крюковым открылся широкий дорога научных дерзаний и творчества.

Н. РЫЛЕНКОВ

Два стихотворения

ЗАЗЫВНАЯ

Белый месяц встал над кручей,
Где черемуха цветет.
Не томь меня, не мучай,
Выдай, выдай из ворот,
Из каплюк, из ворот:
Уж давно гармонь зовет!

Я пойду с тобой по кругу,
Не скажу, я пропону:
Поглядите на подругу
Чернобровую мою.
Я ж хорошо знаю
И, не глядя, знаю.

За версту тебя замечу,
По покое отлучу,
А замочу, так навстречу
Не пойду, а полену.
Шибче втыкай полену,
Чтобы встреть плечом к плечу.

Я скажу и при народе,
Слово песню повторю:
Ты в саду или в огороде
Выходи встречать зарю,
Ту вечернюю зарю,
На которую я горю.

Сколько раз с тобой вместе
Я встречал в полях весну,
Сколько раз, саями по чести,
Прощал тебя одну!
Прощал тебя одну
Все за ту реку — Десну.

За Десной, за сними плесом
Соловы поют, поют.
Как же можно безголосым
Мне теперь остаться тут!
Одному остаться тут,
Если все подружек ждуть!

Белый месяц встал над кручей,
Где черемуха цветет.
Не томь я меня, не мучай,
Выдай, выдай из ворот.
Из каплюк, из ворот:
Уж давно гармонь зовет!

ТЫ СКАЖИ МНЕ, ПОДРУЖКА

— Ты скажи мне, подружка,
Ты ответь без обмана,
Отчего ты, как тучка
Зарева, рухнула!

— Я не сирую, подружка,
И отвечу по совести,
Оттого, что с зарею
Промыслась я вместе!

— Ты признайся, подружка,
Что твоя так честная,
Ясный взор твой, как небо
В час восхода, лучиста!

— Я признаюсь, подружка,
Что твоя, я не знаю!
Солнце в поле всегда в
В час восхода встречала!

— Ты отрой мне, подружка,
И последний секрет свой:
Отчего твои песни
Так и просятся в сердце!

— Я открою, подружка,
Что и твой нет секрет.
Их под шепсел колоса
Нашлетало мне лето!
К. СМОЛЕНСК

Студенческая дружба... Сколько чувств таится в этих простых словах! Питомцы разных вузов нашей Родины всегда чувствуют любовь друг друга. Они обмениваются опытом своей учебы, делятся мечтами, планами. На снимке: студенты Вильнюсского университета Янина Бриневиче и Альгис Вагдонас знакомят приехавшую к ним в гости воспитанницу Белорусского университета имени Б. И. Лявина Ирину Киселеву с литовскими народными инструментами.

Фото А. Дитлова.

ПРЫЖКИ С РЕАКТИВНЫХ САМОЛЕТОВ

В. РОМАНЮК,
заслуженный мастер спорта СССР.

Хорошо запомнился мне тот день, когда вместе с группой парашютистов я приехал на один из подмосковных аэродромов, чтобы впервые познакомиться с новыми реактивными самолетами. Утром в огромном летном поле стоял подготовленный к вылету истребитель «МИГ-15». Тонкий, длинный, с короткими, отогнутыми назад крыльями и высоким хвостовым оперением, он казался ослепительно-скорости.

В кабину самолета сел летчик. Заработал двигатель, наполнив воздух ровным мощным гулом. Самолет покатился по взлетной дорожке, оторвался от земли, мгновенно набрал высоту и, превратившись в маленькую серебристую точку, рванул в синеве.

Появление реактивных самолетов стало перед нами, парашютистами, новым, сложным заданием. Прежде всего для прыжков с реактивных самолетов требовался парашют особой конструкции. Он должен выдерживать большой динамический удар воздушного потока при раскрытии. Такой парашют вскоре был создан.

Появление реактивных самолетов также привнесло в авиацию новые проблемы. Парашют открылся нормально и сплотно опустил испытателя за землю. Правда, скорость снижения оказалась несколько выше, чем у обмысленных парашютов, но она вполне гарантировала безопасность.

Однако достоинства летного парашюта еще не решали всех вопросов, возникших в связи с большими скоростями реактивных самолетов. Нужно было также решить, каким образом в случае аварии летчик может безопасно покинуть самолет. Ведь даже при скорости в 200—250 километров в час летчику трудно выдержать встречный воздушный поток.

Еще до Великой Отечественной войны мы начали разрабатывать методы оставления кабин истребителей. Во время испытаний постепенно увеличивалась скорость,

НА ВИЛАДИ: парашютный десант над Тушинским аэродромом.

Фото Г. Уминова и В. Тюккеля.

Каждый прыжок сжимался киванием. Потом на экране детали не разбирался все стади прыжков.

Однажды мне пришлось прыгать с истребителя, развившего скорость 300 километров в час. Воздушная струя обрела такую упругость и силу, что долго не давала мне возможности изготовиться к прыжку.

Взглянув на землю, я увидел, что самолет уже миновал расчетную точку. Прыгать было поздно. Но, желая выполнить задание, я дал летчику команду заходить на второй круг. Когда самолет снова вошел в боевой курс, и, не теряя времени, резко оттолкнулся от него от сиденья и вырвался за борт кабины. Сразу же ветер подхватил меня, словно сухой осенний лист, и бросил на стабилизатор. К счастью, удар в значительной степени был смягчен запасным парашютом. Поток воздуха прижал меня к ребру стабилизатора, не давая упасть. Но от удара открылся основной парашют. Наполнившись воздухом, он сорвал меня с хвоста самолета и плавно опустил на землю.

К концу Великой Отечественной войны скорость советских истребителей значительно увеличилась. Но и тогда многие летчики благополучно оставляли машину и спускались на парашюте. Делали они это, как правило, не при горизонтальном полете, а на пилотаже.

Однако все прежние способы отпали, когда появились реактивные самолеты, летящие почти со скоростью звука. И тут на помощь летчикам пришли инженеры-конструкторы. Они разработали механический способ оставления кабин самолета, так называемое катапультирование. По принципу катапульти было создано специальное металлургическое устройство, которое в случае необходимости выбрасывает летчика из кабины самолета вместе с сиденьем.

Проверить в воздухе работу катапультиального сиденья должны были мы. Прежде чем подняться в воздух, мы прошли длительную и тщательную тренировку на земле. По подсчетам, в момент «выстреливания» на человека должна действовать почти двадцатикратная сила.

Специальная тренировочная уста-

новка для катапультиальных прыжков с парашютом помещалась в огромном ангаре. Кабину реактивного самолета с катапультиальным сиденьем устанавливали на полу для того, чтобы, как в настоящем самолете, только, когда срабатывал стреляющий механизм, летчик не выбрасывало в воздух, а стремительно возмущался вперед по дуге траекторной рельсе. В высшей точке подъема катапультиальное сиденье удерживалось надежными тормозами.

Первый раз я в ангар для тренировок, но описатель пометки на это сооружение: уж очень оно походило на какой-то цирковой аттракцион. Мне впервые пришлось возвыситься к крыше ангара. И, честно говоря, и без особого энтузиазма занял катапультиальное сиденье.

Я застегнул крепежные ремни и, скрывая волнение за шуткой, скалясь инженером и врачом, хлопотавшим вокруг:

— Вы только мой кришу не представляйте.

Но им некогда было отвечать. Инженер начал последние приготовления к выстрелу. Врачи присоединили медицинскую аппаратуру, контролировали дыхание, кровяное давление, работу сердца. Раздались команды: «Без проблем», «Внимание!», «Приготовьтесь!». Тут уже было не до шутки. Я быстро проверил правильность принятой позы и по команде «Полет!» начал спуск. Громкий выстрел раздался под сводами ангара, и я оказался на симметричной высоте.

При последующих испытаниях во время спуска парашюта у меня увеличивалась, и нас соответственно выбрасывало на все большую высоту. В первые же три минуты замечали, что после тренировочного катапультирования у меня возникло усиленное сердцебиение, повышалось кровяное давление, дрожали руки. Встал вопрос: результат ли это вредного действия испуга на организм или обычный рефлекс страха?

Тогда врачи проделали остроумный опыт. Одного из парашютистов, пришедшего впервые, послали на тренировочное приспособление. Парашютист приготовился к управлению, но вдруг вместо команды «Полет!» прозвучала команда «Остановись!». Когда парашютист вылез из кабины, у него обнаружили те же явления, что и после настоящего катапультирования.

Затем врачи провели другие опыты. Парашютисту говорили, что при остром «выстреливании» он получит полную нагрузку, а давали малую. Или, наоборот, предупреждали, что нагрузка будет небольшая, а катапультирование полное. Все опыты показали, что реакция у парашютиста соответствовала не величине фактической нагрузки, а той, которую он ожидал. В результате нескольких испытаний, когда человек осваивался с обстановкой, реакция становилась значительно слабее.

Первым в Советском Союзе прыжок с самолета с помощью катапультирования выполнил парашютист Г. Кондратов. Он открыл новый этап в развитии советского парашютизма.

Вскоре было прыгать методом катапультирования несколько позже. Хотя к тому времени уже был накоплен большой опыт, тем не менее в воздухе мы прыгали с катапультиального сиденья, сделав

разворот и лег на боевой курс. Тщательная наземная подготовка сжымалась: я принял нужную позу, не делая лишних движений. По команде «Полет!» вылез на пушковой механизм. В тот же момент вместе с креслом я вылетел из кабины вверх, опуская в воздухе плавную кривую.

Едва я успел ощутить восторг, как оказался в воздухе. На какую-то долю секунды увидел пустую кабину. Затем отпустил кресло и, прометев около тысячи метров, оказался в воздухе.

После испытания я полностью согласился с мнением, что новый способ безопаснее и легче прежних.

Выбравшееся кресло обеспечивало защиту парашютисту покинуть самолет и избежать удара о хвостовое оперение. Однако оно не смягчает удара встречного воздушного потока. При скорости самолета 500 километров в час воздух давит на тело парашютиста с силой в 2,25 тонны. Поэтому катапультиальное сиденье пришлось снабдить дополнительными приспособлениями для защиты от удара встречного воздушного потока.

Скорость и высота полета реактивных самолетов неуклонно растут. Уже сейчас много превышает скорость звука. Очень высок потолок. Попробую предстать, как будто проходить прыжки с борта самолета в недалеком будущем.

Реактивный истребитель новой конструкции прохонит летные испытания на высоте 25 тысяч метров. Обгоняя шум своих двигателей, самолет мчится в темноту огромного неба.

В герметической кабине истребителя поддерживается нормальная атмосфера. На летчике специальный костюм, предохраняющий от опасной температуры. Однако атмосферного давления в том случае, если пилоту придется остаться на высоте. Ведь на высоте свыше 20 тысяч метров атмосферное давление такое же, как у поверхности, входящая в состав крови и клеток человеческого тела, закипает.

Стрелка прибора показывает максимальную скорость, преускоренную конструкцию. Внезапно обстоятельства заставили летчика немедленно покинуть кабину. Он уверенно поворачивает аварийный рычаг. Сразу же автоматически отключается питание и приходит в действие защитный костюм. Материал костюма стягивает тело с силой летального атмосферного давления.

Одновременно катапультиальное сиденье закрывается предохранительными шторками из прозрачного, но очень прочного материала. Летчик оказывается в защитном футляре, который предохраняет его от удара встречного потока воздуха. Стелт ему только нажать на спуск стреляющего механизма — катапультиальное сиденье взлетает вверх.

Через несколько секунд свободного падения защитный футляр автоматическим расширяется. В это время вступает в действие стабилизатор, который приводит тело в такое устойчивое положение ногами вниз и постепенно гасит скорость до 20—30 метров в секунду. Когда высота отрыва от хвоста летчик открывает парашют и благополучно приземляется.

Примерно так будет совершаться прыжок с парашютом в век авиации. Скорость полета будет на высоте в 20—25 тысяч метров.

Рис. П. Пинниневича

Алексис ПАРНИС

БАЛЛАДА О СОВЕТСКОЙ КНИГЕ

Б. Полевому

Безмолвные скалы во мгле
сбегают
уступами
вниз.

Полеет...
ползет по черной земле
бойца.

партизан Георгис.
Боль раны кровавая уже давно
ногу терзает и рвет.
Лишь две руки,
а колено — одно

помогают
ползти вперед.
Мертвые скалы вокруг.
На них
ни источника, ни дерева.

Во всей округе
один родник —
это кровь из раны бойца.
Устремили глаза,
в лапы к ним угодить легко,
а позиции партизан

далеко,
далеко...
Бросишь на небо взгляд —
в небе звезды горят,
бросишь на землю взгляд —
на земле
капли крови горят,
а внизу,
на равнине,
где домиков ряд,
склады врага горят.
Тысячи черных, смертельных дуб
братьям щепили в грудь...
Он взрывом,
как лютым,
их оттолкнул,
и пугли свой изменили пуг.
Он не смог отклонить
лишь тех,
что его жилища в темноте...
Полеет он.

Боль его мучит жестоко,
и тело его слабее от ран,
но высоко,
высоко,
высоко

позиции партизан...
Лишь там, наверху,
где выют свои гнезда
орлы,

свободные птицы,
где холод снегов
нависает грозно,
онобо его прекратится...
Дождет ли туда он!
На черные камни
течет его кровь...
И враги вблизи...
Чем рану закрыть?

Нет бинта под руками,
а рубаха в грязи.
Одно лишь чистым могло здесь
остаться
в дыму, под военным небом —
душа его только
да книга,
что в ранце
носит он
вместе с хлебом.
И смотрит истово
с печальною лаской
на книгу.
Страницы ее чисты...
Нет бинта...
Пусть же будут повязкою
книги этой листы!
И, вырвав перьяе,
он их обмоткою
прикрепляет к ране.
Полеет.

А в сердце на миг короткий —
старое
воспоминание.
Шумный лагерь гудит,
в горах раскинувшись волною,
рядом с Георгисом комиссар,
над головою лепечут буки.
Он ножиом на земле —
на первой доске своей
школьной —
чертит перьяе,
еще не твердые буквы.
«Альфа» плохо еще пока
у него получается.

Он трудится,
стригает ее
и пишет снова и снова,

чаще всех других букв,
ибо с нее начинается
«Человек»!

к сердцу идущее слово.
А потом наступил
этот памятный день великий,
день, как первый полет,
как ветер на перевале:
комиссар,
держа в руках эту книгу,
подожел к нему на новом привале.
На обложке
улыбается небо,
чистое, как партизанская
совесть,
и самолет,
созданный в нашем
стремительном веке,
чертит крылом твердые буквы:
«Повесть
о настоящем человеке».

Это первая книга.
В ней его горькоство,
И награда за труд,
и высокая честь.
Но крепки бы молодые крылья его!
Сумеет ли он эту книгу прочесть?
Двадцать лет
для него был на книги запрет.
Двадцать лет для него вихри встали
в эти двери.

Стучись — засован не больно!
Двадцать лет,
двадцать лет...
И поэтому
он только дошкольник
в свои двадцать лет.
Он открывает рукою дрожащей
этой книги первый листок,
и каждый новый прочитанный
слово шаг
по дорожке строк
в мир,
прекрасный,
большой,
настоящий,
в новый мир, перед ним лежащий

среди просторных дорог...
Читай боец.

С каждым часом повронеи
врачки его летят по слогам —
...Заснеженный лес.
Сплетенные корни...

Быстрой!

Ведь с тобою
быстрой и упорной
Имерсева движется по снегам.
Нет, ты не можешь остановиться!

А если
усталость навалится вдруг,
стисни зубы и пальцы рук.
Читай!

Тебе нужно вперед стремиться.
Читай!

Ты не можешь остановиться,
иначе на этой снежной страннице,
где только арвань засады округу,
где только сугробы да понасит
вьюг,
лежит без сознания
твой друг.

Сплелись ваши руки
в братском пожатии;
читаешь быстрой —
и ползает он быстрой!

...И день наступил,
когда вместе, как братья,
родные всей кровью и верностью
всей,
упрямый герой и упорный
читатель

достигли
цели своей.

Как же,
как любовь свою нарушить?!
Лучше бы, чем книгу эту рвать,
на биты
свою разрезать душу,
рану ею перерезать!
Тащится боец...

А кровь струится,
и все чаще слышны его утраты...
Он берет все новые странницы
рану битовать.
Но уж и странница на исходе...
Вот он, вырвав, держит на исходе...
ту, когда Имерсева находит
мальчишки в лесу.
Ну, а он — один.
Вокруг ни звука.

Цель его — она еще вдали.
Лишь кусты
протынуты,
как руки
матери-земли...
Жаждущим гротом
он и травам притни,
вокруг
ни источника, ни дерева...
Во всей округе
один родник —
это слезы на глазу бойца.

Когда же небо порозовело
и зарь,
родившись на верхних
орлянинах,

1 Антропос.

босыми ногами ступая несмело,
по острым камням спустилась
в долину,
очнувшись,
он вновь посмотрел
на неясную
вершину, парящую в воздухе
раннем,
и новую страницу
новой поэмы
приложил к своей ноющей ране.
Солнца,
не миг показавшись только,
скатилось за облако огненным
шаром.

А с простыней,
с гасительной койки
смотрят,
как солнце,
глаза комиссара.
Комиссара
судьба человека тревожит,
но из-под припущих век
ясен взгляд:
— Вперед, Алеша!
Ты же
советский
человек!

И Мересьев идет на свои высоты:
от советских людей неспяемый
дух

Но дойдет ли он до конца пути?
Будет ли он жить?
Вершины еще далеки-далеки..
И надежда,
что еще ко вчерашнему дню
на обе ноги
ступил легко,
сейчас опирается на одну.
Еще немного —
и у надежды
и последний не станет
из этих опор,
холод рвет ее сквозь одежду,
изранил ее камни гор..
И снова в чувство приходит его
человеческий голос,
как мушкетер, как чудо.
Он смотрит вокруг.

Нет никого..
Песня летит, летит..
Но откуда!
Голос парит,
как орел в поднебесье,
лется в пустыне,
как светлые реки..
Нет никого..
Этот голос —
песня
настоящего человека.
Пески подступают со всех сторон,
соль на рубцах,
как иней, стынет..
Видишь?

С песнею
эскадрон
движется
по пустыне.
Мучительной жаждой сводится
рот,
солнце голову жжет,
бессилья рожда,
но стальная шеренга
идет вперед,
песней
смерть
и побежда.

Куда же они?
Ты пойми, ты взглядишь,
землю их,
как таяно, пожирает пламя.
Ты слышишь,
слышав их, Георгий?
Над ними —
песня и красное знамя.
Советские люди
шагают высь,
словах жемчу,
неурашимы.

Ты слышишь,
слышавши их, Георгий?
Они дойдут
до вершин!
Он снова взгляд поднимает
к отвесной
вершине, что так близка
и желанна,
он и этой страннице, словно
песней,
обвивает кровавую рану.
А в губы берет он такую же
песню,
хоть боль
мотив ее прерывала..
Вершина ждет его,
как невеста,
закатывая в покрывало.

Его нашли на вторые сутки
от вершин,
на близком совсем расстоянии.
Он лежал ничком,
и снег был расплоснен
слишком его дыханием.
И была голубая обложка,
которую
сжала рука партизана-грека,
стягом похода
и началом новой истории
настоящего
человека.

Перевел с греческого
Виктор ВИНГРАДОВ.

Со многими передовиками производства и новаторами познакомился Александр Колесов в Кремле, на совещании работников промышленности. На этом снимке мы видим его у книжного юноши, среди новых друзей.

КОЛЕСОВ-МЛАДШИЙ

фото А. Мозгацова.

Семен ГАРИН

Глубокая синева и нежная зелень — эти краски главенствуют над городом в погожие дни, когда солнце щедро льет свои лучи на улицы и парки, на широкие просторы Навы. В такие дни еще более прекрасен Ленинград — строгий, торжественный, бесконечно родной.

Саша дошел до середины Невского и машинально остановился у большого красивого дома. Открыл, не задумываясь, массивную дверь и вошел, как входят к добрым знакомым. Небольшой человек, легкое серое пальто оставлены в раздевалке; юноша просидит мимо каких-то гудящих шкафов, мраморный досок с разбросанными лампочками и рубльничками. Знакомая дверь. Здесь «Лаборатория резания металлов».

Ранний час, но в лаборатории людно. Вокруг токарного станка, что у самого окна, столпились подростки. В центре помойки человек в спортивном рабочем халате — Владимир Иванович Кротов. Едва заметным кивком он приветствует Сашу и, глядя с добродушной улыбкой на ребят, включает станок.

— Значит, ясно, отчего станок крутится? Что ж, и этого неплохо знать для начала. Не думайте, что мы рождаем токарями. Я уверен, что многим из вас полюбится наша профессия и мы еще не раз встретимся здесь, в Доме техники. У нас тут и начальная

школа, и университет, и академия. А ну-ка, поворот на сто восемьдесят градусов!

Противоположная стена увешана большими портретами самых знатных токарей и фрезеровщиков.

— Этого товарища знает! — Кротов указывает на первый портрет.

— Генрих Бортвич! — хором отвечают школьники.

— Так... А это?

— Павел Быков...

— Дальше?

— Иван Леснов... Фрезеровщик

с Кировского...

— Точно! Ну, а крайняя?

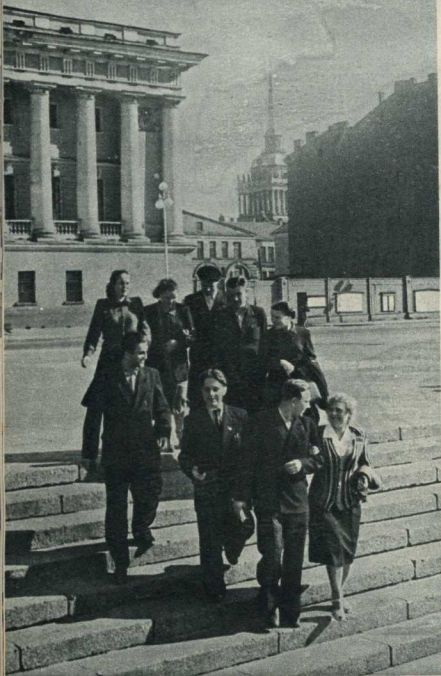
— Василий Колесов... Волжанин...

— Всех знает! Как народных артистов! Многие из них, когда начинали, приходили к нам, учились. Потом другим передавали свой опыт и опять учились!

Владимир Иванович включает станок, переходит от элементарного к более сложному. Он рассказывает о последних достижениях токарей, о скоростном и силовом резании, о созданной новаторами чудодейственной геометрической резцов, о различных пневматических замковых устройствах, хитроумных приспособлениях, продвигающих технику вперед. Вытес из-под резца вороненая стружка, гильзоты опилки. Ребята стоят как зачарованные, и даже самые беспокойные, которых приходилось останавливать, чтобы не обогнали стружкой, и те притихли.

А ты, Георгий?
Кто ты?
Что ты?
Вчерашний пастух,
кого козлик звал лихими троп,
меньше, чем скотину, кормил,
считал наравне со своим скотом,
больше, чем скот, бил.
И жид Георгий,
как жид и всякий
бедняк,
которого угнетали враги.
Его первая человеческая одежда —
трофейной хаки,
в партизанских ситовых он сделал
свои первые свободные шаги.
Сейчас он всего лишь дитя,
дитя Греции,
отчужден.
Через каждую строчку книги,
как сквозь цель,
он глядит,
восхищен,
на огромную светлую залу
другой, неведомой земли,
в которую когда-нибудь
вступит и он.
О, как он хочет туда войти,
в мир этот светлый вступит!

Хорошо в погожий день пройтись с друзьями по нарядным улицам родного Ленинграда...

Многое из того, что рассказывает вагет токаря, похоже на чудо. Оказывается, пластики из глины режут самые крепкие стали лучше и быстрее, нежели сверлпролочные сплавы.

— Да, из глины! — подтверждает Владимир Иванович и строго спрашивает: — Каждый знает формулу Al_2O_3 — глинозем — окись алюминия! — гравит хор.

— Верно! Так вот, термостойкие резцы, изготовленные из этой глины, оказались неизмеримо прочнее и в сотни раз дешевле, чем такой распространённый сплав, как победит, состоящий из редких и дорогих элементов — кобальта, титана, вольфрама. Придумали это новаторы-рабочие в содружестве с учеными.

В голосе слышится гордость. Владимир Иванович, потомственный ленинградский рабочий, — наставник многих ныне прославленных токарей.

— Были наверху, — спрашивает Кротов, — на выставке?

— Были, конечно! Постоянная промышленная выставка при Дворце научно-технической пропаганды в одинаковой мере интересна и поучительна и для школьников и для ученых. Это не музей с пыльными экспонатами, установленными раз и навсегда Выборгской и Петроградской стороны, Нарвская застава и Васильевский остров — все районы промышленного Ленинграда прислаивают сюда самое новое, совершенное, уникальное, только что созданное. Там, наверху, можно видеть, как работают чешальные и придлинные машины, лифты, насосы, турбины и генераторы создают город Ленина для электрических станций Волги, Днепра, Ангары... Слово «новое» всюду: новая технология в машиностроении, в энергетике, в электротехнике; новая техника во всех отраслях производства...

— Так вот, — продолжает Владимир Иванович, — каждую бы машину вы ни взяли, в каждую вложен труд токаря. Без токаря не созданы ни одного механизма! А раз техника новая и разные виды стирки шовов и новые машины, значит, и нам нельзя стоять на месте!

— Разве Колесов волжанин? — вдруг спрашивает смуглый паренек.

Кротов достает из инструментального шкафа пачку зеленых брошюр, откидывает верхнюю.

— Один Колесов наш, ленинградец! Ему посвящен этот «Листок новатора».

Ребята читают на обложке: «Опыт работы токаря-новатора завода имени 2-й Пятилетки Александра Колесова». С обложки пристально смотрят круглоблкий юноша.

— Совсем молодой! — говорит кто-то.

— В жизни он еще моложе! — улыбается Кротов и смотрит на Сашу. — Впрочем, вот и он, оригинал...

Саша хочет узнать, но шумное кольцо вокруг него сомкнулось. Завязал разговор. Саша рассказал ребятам, что и он, будучи еще школьником, тоже приходил сюда, а когда учился в ремесленном, и вовсе был всегда в читальном и лабораторном Дома научно-технической пропаганды.

...Первый раз он выступал здесь перед молодыми токарями еще до окончания ремесленного училища. В президиум сидели старшие питерские рабочие и молодой новатор с Выборгской стороны Генрих Борткевич. Знающие токари внимательно слушали щупальцевого паренка в черной форменке, который делился своими мыслями по поводу гашения вибрации резцов, новой геометрии режущего инструмента. Мысли были несовершенны, порой наивны, но интересные: это было видно по тому, как внимательно слушали паренка и Борткевич и другие токари. Кто-то из них сказал: «Хорошо смеяли!»

Через несколько месяцев Саша стоял у того же станка, показывая токарям, собравшимся со всех концов города, как можно повысить режимы резания и увеличить стойкость резцов, если изменить их геометрию, применить пластины твердых сплавов. В лаборатории часто собирались рабочие, молодые и старые, они приходили не просто так, они огоньки, как сейчас заблуждал Саша, либо на консультации, на семинары и частые «Дни новаторов».

Когда школьники прощались с Колесовым, один смуглый паренек произнес: «До скорой встречи!», — и Саша почувствовал, что этот мальчик, впервые, может быть полезен. Он знает токарный станок, возбуждает мечтой о своей будущей профессии.

— Ну, рассказывай, рассказывай! — Владимир Иванович улыбнулся Саши и за стемленную перегородку: — Давно ли приехал?

— Да вот прямо с московского поезда...

— Останавливался в Москве?

— Побывал на «Фарсом» пролетарият в Сельцо, Завидово, побывал много у него новатор! Проанализировал с орловскими токарями. Рассказал им о наших делах... Словом, интересного много!

— И, как всегда, ничего не записал!

— Как всегда, все помню! Все могу воспроизвести в чертежах. Кротов раскрывает блокнот, а Колесов уверенными штрихами делает зарисовки.

— Вот как это выглядит у Сельцо...

Старый и молодой токари склонились над чертежом.

2

Впервые Кротов и Колесов встретились несколько лет назад, когда Саша окончил ремесленное училище, поступил токарем в механический цех завода имени 2-й Пятилетки. Мысли, возникшие еще на школьной скамье, «прорисовались» в металл. Саша часто казалось, что станок, доставшийся ему, похож на непереваренного птенца. Вот бы ослепить его всеми приспособлениями! Чтобы не заниматься «изобретением» порождениями токаря часто посещал Дом техники, где можно было узнать о всех новинках, предложенных рационализаторами. Нового было много, тем не менее, на завод инструктору Сашу Колесова К тому же особенности производства выдвигали свои требования.

Детали, которые обрабатывал Саша и его товарищи по заводу, изготавливались из нержавеющей стали различных марок. Этот металл отличался большой вязкостью, и потому резцы часто выходили из строя, а режимы резания были чрезвычайно низкие. Молодой токарь задумался: как устранить эти помехи? Прежде чем доверить бумаге свои мысли, он много читал, отыскивая в специальных книгах и журналах все, что могло ему помочь, встречался с учеными — консультантами Дома техники — и с токарями различных заводов. Нужно было подобрать такие пластины из твердых сплавов, которые ускорили бы процесс резания и увеличили стойкость резцов. Новые приспособления должны были поднять производительность труда и ввернуть обрабатываемые детали в более высокой класс чистоты. Задача, на который поступил Саша, не обычный, а весьма сложный и в серьезное производство: что ни деталь, то новость. Такая технология создавала для токаря много непредвиденных затруднений.

Нет, Саша не жаловал, что он поступил на этот завод, существующий более ста лет, выросший из дорожной кузницы, когда-то обслуживавшей всякого немуредника, но теперь работающего на изготовлявшей своего рода скрюченные изделия, узорчатые решетки, домашнюю утварь, кровати. Сейчас, в сущности, ничего не осталось от старого завода. Начиная со второй пятилетки — в честь нее и назван завод — в старых цехах начали строить машины, которые до этого не производились в нашей стране: бумажодельные, киноленточные. К тому времени, когда Саша явился в механический цех, это предприятие завоевало славу не только у нас, но и в Польше, в Китае, Вьетнаме, Румынии и других странах, где работают машины, изготовленные на заводе имени 2-й Пятилетки. Машины... — ждал, что он будет называться машина, которая есть более тысячи тонн, которая равна по длине морскому судну — сто двадцать метров — и содержит в

сбе более ста шестидесяти тысяч деталей... Высотой с двухэтажный дом, бумагоделательная машина принимает на свои валы непрерывный поток жидкой древесной массы, безостановочно мчит его вверх и вниз, по прямой и круговую, прокатывая на ходу, пропуская, высушивая, наматывая на рулоны тотую бумагу. Малейшая неточность в обработке детали — и машина не будет давать бумагу нужного качества; недостаточная чистота в обработке валов — и зрительная аппаратура будет раздражать «дождевые полосы» на экранах из-за плохого качества пленки.

Квалификацию токаря можно всегда определить по деталям, которые он изготовил. О Колесове говорят на завод так:

— Хотите найти Сашу, идите в механический цех. Знаете по-прежнему серпантин, бугорки, выдвиганные или покрытые никелем детали.

Конечно, Саша не сразу достиг такой виртуозной техники; многое пришлось изменить на станке, многое придумать, ввести немало новшеств. Учиться пришлось много, упорно и на заводе у старых токарей, и в Дома техники у новаторов и специалистов, и на заводе имени Свердлова, где работает Генрих Бортькевич, где не раз собирались ленинградские токари, чтобы обменяться опытом. Учился он и у своего однофамильца Василия Колесова, который приезжал в Ленинград и показывал здесь свои знаменитый резец новой конструкции. Чем больше учился Саша, тем больше хотелось знать. Он поступил на зооучное отделение техникума бумагоделательного машиностроения, освоил специальности карусельщика и расточника; влез с головой в технологию сборки машин. На личном опыте он понял, что от каждого рабочего зависит успех борьбы за дальнейший технический прогресс в промышленности. Дело не только в том, чтобы каждый стал изобретателем и рационализатором. Нужно, чтобы каждый подхватывал новое, созданное его товарищами.

Общине Александра с активом Дома техники даю свои плоды: не только свои новшества, все

интересное, прогрессивное, о чем он узнавал, становилось достоянием завода. Другая знает, что самое «ругательное» слово, которое Саша произносит насмешливо и с презрением, — «кустаренки».

— Устарел этот прием: кустаренно работать! Ничем не интересуется, кроме своего станка... Саша провозносит насмешливо и с презрением, — удивлялись товарищи.

— Всем! — уверял Саша. — И новыми методами литья под давлением, и обработкой металла высокочастотными токами, и прогрессивной технологией в инструментальном деле... Всему началу — токаря. Он должен много знать!

...Сегодня Саша Колесов возвратился из Орла, куда он ездил на совещание молодых новаторов машиностроения. На орловских заводах Колесов-младший, как его называют друзья, не только рассказывал о достижениях ленинградцев, но и увидел новое. И в Москве он задержался не случайно: давно мечталось побывать на «Красном пролетарии», познакомиться с новаторами этого передового завода.

Обо всем виденном Саша рассказывал теперь своему старшему товарищу — токарю лаборатории резания Владимиру Ивановичу Кротову.

3

До встречи с Колесовым мне много рассказывали о нем его друзья: директор завода, работники Дома техники, токари другого завода. Но, думается, лучше всего помогла мне понять Сашу одна вечерняя прогулка. Мы шли по набережной Невы. Небольшой рост, худощавый, Саша в эти минуты почти не отличался от тех парней, которые утром окружили его в лаборатории. Давно ли он был сам таким? Сын слесаря, он еще в школе решил стать «просто рабочим». Отец не возражал; он знал, что перед каждым советским рабочим открыта широкая дорога творчества. Стоило Саше заговорить — и видневшие ученые пошли ему навстречу, помогли осмыслить и воплотить в жизнь, все замыслил; он решил глубже узнать производство, на котором работает; ему помогли в

Александр Колесов со своими учениками Борисом Бунюным и Владимиром Никитиным на сборке машины для продольной резки бумажки.

этом технологи; он стал студентом техникума, перед ним были открыты все двери...

— Значит, прошай станок после окончания техникума! — спрашивал я.

Нет! — твердо сказал Саша. — Останусь токарем, если даже институт окончу...

— Вот как? — Да, так... Почему художник идет в академию? Чтобы работать потом еще лучше, но он не меняет профессию. А когда токарь идет учиться, он почему-то должен расставаться со станком? Нет. Я останусь токарем.

Вспомнилось, что Саша, когда его избрали секретарем заводской комсомольской организации, считался токарем и большую часть времени проводил в цехах, продолжая вносить новшества в производство, заботливо помогая молодым рабочим, недавно пришедшим на завод. Сколько бурных вечеров провели комсомольцы в комитете заводского комитета, обсуждая предложения новаторов, творчески дорабатывая несовершенное, если в нем находилось «рациональное зерно!» Душой этих обсуждений была Саша Колесов — не по «положению», а по зову сердца.

— Да! — повторил Колесов. — Останусь токарем...

В этот вечер он рассказывал мне, что впервые увидел Москву, когда приехал на Всесоюзное совещание работников промышленности. В зале Большого Кремлевского дворца он слушал выступления руководителей партии и правительства, инженеров и рабочих — машиностроителей, горняков, нефтяников. Юноша словно с высокой горы увидел, какие гигантские задачи стоят перед промышленностью страны. И не раз Саша ловил себя на мысли,

В библиотеке Ленинградского Дома научно-технической пропаганды Колесов-старший есть. Особенно его интересуют новинки по скоростной резке металла.

что асуду: на экскурсии в Оружейной палате, на выставке картин Дрезденской галереи, в музее... он ведет с самим собой споры по поводу очередной технической задумки.

— Когда я смотрю на хорошую картину, у меня возникает свои собственные мысли! — сказал, улыбаясь, Саша.

И я подумал, что это и есть вдохновение настоящего художника, азвенованного прекрасным. Не случайно ведь в Ленинграде нет такого музея, где Саша бы не был. Эрихтмак — его «второй дом», а Карельский перешеек известен вдоль и поперек на лыжах и пешком. Турист, охотник, спортсмен — содержательно, интересно живет это юноша, отдавший всего себе любимому делу, для которого избраться, создавать новое, трудиться — это значит жить, полнокровной, настоящей жизнью.

Письмо Жерара Филипа

Отвечаю на письмо с просьбой рассказать читателям журнала, над чем я сейчас работаю в кино.

Я снимаюсь в новом фильме Рене Клер «Большие мажоры». Моя партнерша по фильму — Мишель Морган. В фильме показан обольститель, который так часто говорил женщинам о своей любви, что когда он наконец полюбил по-настоящему, его словам уже никто не верил.

Действие фильма разворачивается в 1911 году в гарнизонном городке накануне маневров. Рене Клер нарисовал картину провинциальных нравов с бальзаковской изысканностью и остротой.

Затем я буду сниматься в фильме, посвященном строительству платины в горах («Большая платина»). Я выступлю в роли инженера, вынужденного по болезни оставить начатое им строительство. Перед тем, как уйти, он подготавливает заместителя и добивается у администрации премии для рабочих...

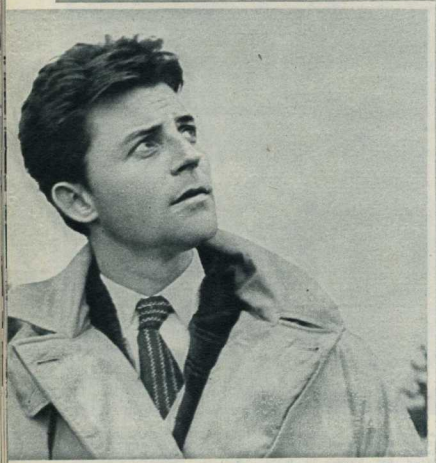
По окончании съемок я присоединюсь к делегации детского Французского кино, которая позанимает москвичей с лучшими французскими фильмами, выпущенными за последние десять лет.

В будущем году я буду участвовать в фильме на сюжет фламандской легенды о Тиле Уленшпигеле. Фильм будет ставить Йорис Ивене. С огромным удовлетворением я буду работать с человеком, отдавшим своей большой талант делу мира. Действие фильма происходит в шестнадцатом веке во Фландрии, оккупированной испанцами. Это было во время царствования Филиппа II, в эпоху инквизиции и процессов над ведьмами.

Уленшпигель — сын угольщика, сожженного на костре. Асень и шутник выкапывает Тила, затем превращается в мстителя за своего отца и свою страну Фландрию, угнетенную Испанией. Предполагается, что фильм будет выдержан в духе фарса, так как в то время во Фландрии смех был наиболее действенным оружием.

Большое Вам спасибо за письмо. Прошу Вас принять за верное в моих лучших к Вам чувствах.

Жерар ФИЛИП

Эту фотографию Жерар Филип прислал из Парижа для нашего журнала.

НА ЭКРАНЕ ЖЕРАР ФИЛИП

После того, как на экранах советских кинотеатров были показаны французские фильмы с участием известного артиста Жерара Филипа, редакция журнала «Смена» получила от своих читателей ряд писем.

Е. Немирская из Одессы писала: «Мне, как и многим кинозрителям нашей страны, довелось видеть Жерара Филипа только в фильмах «Парская обитель» и «Фанфан-Тюльпан». Однако этого было достаточно, чтобы актер завоевал симпатии наших зрителей, показал свой разносторонний талант. В его игре есть то, что близко советскому зрителю: глубокое понимание человеческой души, необыкновенная простота и естественность, удивительное умение заставить поверить в то, что он делает на экране. Очень отрадно сознавать и то, что этот прекрасный

артист вместе со своим народом находится в первых рядах защитников мира».

Теплые строки посвятили Жерару Филипу и другие читатели нашего журнала. Студенты Московского автомеханического техникума писали: «Мы очень хотели бы видеть его у нас в гостях, в Москве».

Советская молодежь заинтересовалась жизнью Жерара Филипа и в своих письмах просила рассказать о нем.

Хорошо зная скромность Жерара Филипа, редакция все же решила обратиться к нему с просьбой рассказать о себе читателям «Смены». Недавно мы получили от него письмо, которое публикуем в этом номере вместе со статьей о творчестве Жерара Филипа.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ АРТИСТ, АКТИВНЫЙ БОРЕЦ ЗА МИР

Только два фильма с участием Жерара Филипа прошли у нас на экране: «Парская обитель» и «Фанфан-Тюльпан». Но не упоминает Фабрицио Дель-Донго из первой картины и веселого, остроумного, предпринимчивого солдата из второй!

Артист создал оба образа с великолепным мастерством. Роль солдата Фанфана — одна из наиболее удачных комических ролей Жерара Филипа. Но вообще этот выдающийся артист любит создавать образы людей сильной воли, больших страстей и глубоких чувств, людей энергичных, целе-

устремленных, с характером сложным, а порой и противоречивым. Его яркий талант проявляется многогранно, с той непринужденной простотой и внешней скупостью выражения, с той творческой щедростью, которая свойственна истинному искусству. Это многообразие дарования, высокое мастерство, так же как активное участие артиста в общественной жизни, снискали Жерару Филипу огромную популярность в своей стране и за ее пределами. По определению французского критика Жоржа Садюля, Жерар Филип — артист, «который после

войны господствует во французском кино и в театре.

Жерар Филипп молод. Ему еще нет и тридцати трех лет. Вся его творческая жизнь исчисляется по мере десятилетий. С первых своих выступлений в кино и на сцене он завоевал широкую известность.

Молодой артист связал свою судьбу с судьбой Национального театра, созданного видным режиссером Жаном Вилларом. В противовес легкомысленным, скабрёзным пьескам и пареводной закоулкинской макулатуре этого театра, как в свое время народный театр Романа Ролана, обратился к бессмертным творениям Корнеля, Мольера, Гого, Шекспира. Материальные средства Национального народного театра были весьма скудными. Первое представление состоялось в древнем городе Авиньоне, во дворе сохранившегося павильона дворца. Но уже через несколько лет театр завоевал горячие симпатии зрителей. Ныне Национальный народный театр выступает в огромном зрительном зале дворца Шайо в Париже.

На сцене Национального народного театра Жерар Филипп сыграл роль Лоренано из одноименного произведения Мюссе, создал замечательный образ Рио Блаза из пьесы Виктора Гюго.

Роль Рио Блаза выигрывает, эффектная, но чрезвычайно трудная. Жерар Филипп ведет ее с той же естественностью и простотой, которые отличают все его творчество. С особой силой артист пронизывает в третьем акте знаменитый монолог об Испании; он как бы говорит от имени гордого, непокоренного испанского народа.

Не менее замечательные образы созданы им в кино. Молодой артист сыграл столько ролей, что даже простое перечисление их заняло бы много места.

Большой творческой победой французского кино явился фильм «Красное и черное» (по Стендалю). Своим успехом фильм в значительной мере обязан Жерару Филиппу, который блестяще исполнил роль Жюльена Сореля. Артист тонко и ярко передал талантливость, одаренность своего героя, честолюбие юноши этого происхождения, мечтающего отвоювать себе место среди «сильных мира сего». Ирония, порывы страсти, трезвый расчет, мучительное раздумье — целый каскад чувств показал талантливый актер. Этот фильм нельзя смотреть без волнения. Вся история Сореля — его любовь, измена, раскаяние, гибель — выходит из узких рамок личных взаимоотношений Сореля, перетекая во взаимоотношения общественные, классовые.

В фильме «Красота дьявола» Жерар Филипп исполняет роль Фауста.

Хотя в этом фильме действие разворачивается в условной стране и персонажи одеты в фантастические костюмы, в фильме, по существу, решается вполне современная тема о том, что происходит с наукой, если она продается «златому тельцу». Мефистофель показывает Фаусту зеркало, в котором ученые видят будущую судьбу своего открытия. Перед ним возникают картины ужасных бедствий, опустошенная и разоренная земля. Становится ясной природа чуждого, презрительного из создателя в раз-

рушения, из друга народа в его врага. И когда Фауст пытается уничтожить силу дьявольского контракта, ему удается осуществить это лишь при помощи народа. Так неизменно утверждаясь, засматривает эта древняя легенда о Фаусте, образ которого талантливо воссоздал Жерар Филипп.

Оптимизмом проникнуты и замечательные эпизоды картины «Нонные красавицы», также поставленной Ренэ Клером. Жерар Филипп играет в этом фильме роль мечтательного учителя музыки Клода, которому приходится выслушивать более прекрасным, чем грубая действительность. В своих сновидениях Клод переносится во времена средневековья, в романтическую эпоху трех мушкетеров, участвует в событиях французской революции. Нетрудно представить себе, какие богатые возможности для творческих находок открываются перед одаренным артистом в этих столь разных ситуациях.

Жерар Филипп покориет зрителей своей игрой потому, что он «вживается» в каждую роль глубоко и обстоятельно. Чувствуется, что сам артист глубоко верит тому, что говорит, что делает на сцене или экране. Правда чувств, правда характера — основное его оружие. А донести замысел до зрителя артисту помогают его чудесный талант, вдохновенный, творческий труд.

Во французском кино не принято приглашать дублера для замены артистов при выполнении разного рода трюков, спортивных эпизодов и т. д. И Жерару Филиппу приходится быть разносторонним спортсменом. Он занимается волейболом, плаванием и даже акробатикой. Многие, очевидно, помнят сцену дуэли на крыше в картине «Фанфан-Тюльпан». Вся эта ожесточенная схватка снималась на настоящей крыше, высоко над землей, и опасность, которой подвергались «противники», была отнюдь не мнимой. Жерар Филипп во время дуэли получил удар штыком в руку, а его партнер был ранен в колено. Во время съемок пожара и взрыва Фанфан — Жерар Филипп был действительно отброшен взрывной волной в стол сена. К счастью, лицо его оказалось обожженным лишь незначительно.

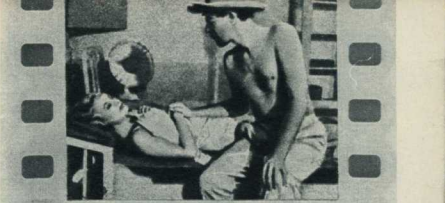
Таков этот темноволосый, стройный, обязательный молодой человек, один из любимых артистов Франции. Жерар Филипп скромнее в лучшем смысле этого слова. Он не любит рекламу, среди актеров Национального народного театра держится не как премьер, а как рядовой член коллектива.

Жерар Филипп не только артист, но и активный борец за мир, верный сын Франции. Ему дороги национальные интересы своей родины, дело борьбы за мир во всем мире. И не удивительно, что Жерар Филипп выступал против вооружения Западной Германии, против восстановления нового вермахта.

Жерар Филипп — искренний друг нашей страны. Когда советские деятели культуры беседовали с ним в Париже, он с интересом расспрашивал их о Москве, о советском искусстве и неоднократно заявлял о своем желании посетить СССР.

Жерар Филипп всегда будет нашим желанным гостем.

Мих. БЕЛЯВСКИЙ

Жерар Филипп в роли врача (фильм «Надменные» по Сартру).

В фильме «Идиот» по одноименному роману Достоевского Жерар Филипп исполнил роль князя Мышкина.

Замечательная сцена из спектакля «Сюр». В главной роли Жерар Филипп.

Пришло письмо издалека, от Ольги, Павла Сергеевна, Тани и Сева рядом хоршей весточке.

Фото И. Халипа.

У ПОТОМКОВ ЛОМОНОСОВА

Недавно была наша страна отмечала 200-летие Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В связи с этим юбилеем в редакцию «Смены» поступил ряд писем, в которых наши читатели просили рассказать о том, как живут и работают ныне потомки великого русского ученого.

Удовлетворим просьбу читателей.

Перед нами старинная книга. Называется она «Дневни российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достоянную войну с Францией, в 1812—1815 годах». Раскром ее и прочтем строки, посвященные описанию сражения при Дашкове:

«...Когда храбрые россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, знав, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на орудия неприятельскую батарею... воскрикнул: «Вперед, ребята... я и дети мои, концы приниму в жертву, открыв вам путь...» — и что могло после сего противостоят усилиям и ревниво предводимым таким начальником войскам. Батарея была тотчас взята».

Этот подвиг был прославлен Жуковским в стихотворении «Певец во стане русских воинов». Об этом подвиге рассказывают учителя, и мы храним его в памяти со школьных лет.

Однако не все знают, что сыновья генерала Раевского, юные воины Александр и Николай, отличившиеся при Дашкове,— праправнуки Михаила Васильевича Ломоносова. У великого ученого было двое детей: сын Иван умер в малолетнем возрасте, а дочь Елена вышла замуж за библиотечка Академии наук

Константинова. Внучка Ломоносова С. А. Константинова была женой Н. Н. Раевского.

«...Счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского...», — сообщал в одном из писем Пушкин. Известные строки из «Евгения Онегина»:

И помню море пред грозною, Бити и заповодал войнами, Взмахивши бурной чередою... С любовью лечь к ее ногам...

были навеями воспоминаниями о дочери генерала Марин, о тех днях, когда поэт посетил в Раевских.

Мария Николаевна вышла замуж за декабриста С. Г. Волконского и добровольно последовала за ним в сибирскую ссылку. Ее самоотверженный поступок запечатлен в поэме Некрасова «Русские женщины». Муж ее старшей сестры, Екатерины Николаевны, генерал-майор Михайло Орлов, тоже декабрист, в 1814 году от имени русской армии-победительницы подписал акт о капитуляции города Парижа...

Чтобы рассказать о потомках Ломоносова, надо охватить огромный исторический период, назвать десятки знаменитых русских, с которыми они состояли в родстве, дружили и встречались.

Такое обилие имен и событий не вместить в журнальную заметку. Поэтому мы оставим исторические труды, мемуары, литературные произведения и вернемся в сегодняшний день, чтобы познакомить

с потомками великого ученого — нашими современниками.

...В тихом московском переулке, во дворе возле несоборной дома мы встретили самого юного из них, семилетнего Севу. Он старательно осыпал хвату, вырезанную из березового чурбачка. Яхта была еще далеко не готова, но уже имела название — «Казбек». На наш вопрос, дома ли старшие, мальчуган степенно ответил: «Бабушка отдыхает, мама редактирует, папа на работе, Тана занимается в библиотеке». Узнав, что мы поехали, Сева приветливо улыбнулся. Видно, слово «дело» было у него в почете.

Сева провел нас в комнату, где за столом завалялись рукописи, занималась ее мать Павла Сергеевна. От нее мы и узнали, как живет и трудится ее большая и дружная семья.

Старшая в семье — Екатерина Николаевна Котаревская — внучка Е. Н. Раевской-Орловой — врач. До революции она служила в земстве, была ординатором военного госпиталя в годы революции и гражданской войны. Сейчас Екатерина Николаевна не работает, ей восемьдесят шесть лет. Ее дочь Павла Сергеевна Котаревская-Киселева — геолог. «Эта профессия стала традиционной в нашей семье», — говорит Павла Сергеевна.

В самом деле, муж ее, Семен Иванович Киселев, — геолог; сама она окончила геологический факультет Московского университета имени Ломоносова в 1931 году, а ее старшая дочь, Ольга, — в 1954 году. Вторая дочь, Тана, поступает на тот же факультет нынешней осенью. Как же поживает ее судьба на службе Екатерины Николаевны! Ведь ее, чтобы получить образование, пришлось уехать во Францию: царское правительство в 30-е годы запретило принимать женщин в высшие учебные заведения.

Во время наших бесед возвращающаяся домой Семен Иванович, потом Тана. Речь заходит об Ольге, которая сейчас далека, на Алтае. Девушка уехала туда после окончания университета, отказавшись от места в Москве, в Геологическом институте Академии наук. Родители не возражали. Старые геологи, они не представляли много будущего для своей дочери и давно уже готовили ее к дальним дорогам.

Семен Иванович вспоминает, как они вручали Олю геологический молоток Паулы Сергеевны, когда девушка впервые собралась в поход с партией исследователей. Кажется, совсем недавно это было. А теперь уже готовит себе свой молоток подруга Тана, которая ждет не дожидается радостного дня «поискования в геологии». И она поедет на работу в далекие края. Ее проведет как и Оля — просто, весело, точно в очередную экспедицию.

Это дом, откуда легко проважуют в далекие странствия по заполярным землям, где получают большие письма из самых труднодоступных, «комариных» мест.

Чем дольше мы беседуем, тем яснее становится, что в семье этой любят мечтать, и не просто мечтать, а постановочно готовить себе к достижению заветной цели. Вот почему Ольга в студенческие годы старалась приобрести навыки, которые могли оказаться полезными в будущем. Девушка серьезно занималась спортом, туризмом. Она окончила, как некогда Павла Сергеевна, школу верховой езды, на

училась прыгать с парашютом. Начиная с первого курса Ольга ездила в экспедиции, побывала на Урале и на Камчатке, попутно в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Мечтает стать геологом и Тана.

Сестры в школе сради камней и книг о камнях. «...Вот я выдале: в шкафу, где хранится пресс-папье М. В. Ломоносова, сделанное из им же изобретенной красной смальты, и в вилках старинного борно-празднично-декабриста. Сначала это были только добрые родители, потом появились «оливы камин», не так давно и Тана присоединила к ним свой первый трофей — обломок окаменевшего морского моллюска в Польском карьере.

С детства увлекала Таню рассказы о камнях, похожие на сказки, — «Вот эти яркие, праздничные камни привезли...». Из нескольких недель на паруснике и в карете один из предков, которому было поручено подобрать образцы мраморов для отделки Исаевинского дворца в городе Яхоты, незаметный булыжник, установленный мостовому, оказывается, сам пришел под Москву из Финляндии или Норвегии. Он поля на его миллионы лет вместе с ледником...». Повторение всяких интересных камню, желание высти в следую — к самым истокам его сказочной истории...

Со временем Тана поняла: чтобы постигнуть Тана камин, надо быть крепкой, выносливой и много знать. По примеру старшей сестры она начала заниматься спортом, записалась в геологический кружок при Ленинском. С жадностью поглотила книги, которыми считывалась ее Ольга: «Как закалялась сталь», «Аллео от Москв», «Мужество». Она даже захотела эти книги на Алтай, а вот тогда она поняла, что не может заниматься. Целострельная работа по овладению своей будущей профессией не мешала сестрам активно участвовать в жизни своих комсомольских организаций. Ольга была в университете комсоргом группы, Тана — членом школьного комитета комсомола.

«Сейчас Тана готовится к экзаменам, доподлинно засекаясь над учебниками. Устанет — откроет любимую книгу «Воспоминания о камнях», перечтет заветные слова Ломоносова: «Подем нынче по северу Олену стезю. Стерем ислеть металлов, золота, серебра и прочих, станим добывать отменных камней, мраморов, аспидов и даже до изумрудов, яхотов и алмазов. Дорога будет не скучна...». Гостили минерала сама не прядут: требуят глаза и рука с мемуары принуку».

Да, она обязательно поедет. Откроет новые минералы, привезет интересные находки. Неужели воспользовалась из своих странствий с песнями, маншинами в таежные края. А пока Тана знает песни только из одной тетрадки. В них говорится о великих людях, проглавыющихся новым «ариприту» о дружбе, о радостных встречах. Больше всего ей нравится «Имя геологического факультета». Он начинается так: «Нам по свету не мало завоевать».

Этот «гимн», сочиненный, вероятно, бывшими фонтовиками, поется на мотив известной маршевой песни, чтобы легче шагало в далеком, минеральном мире. «Дорога будет не скучна...».

М. ИГНАТОВ

ПУСТЫНЯ ОТСТУПАЕТ

(Заметки художника)

Этюды и зарисовки автора.

Самолет летит над песками Кызыл-Кумов.

Солнечные лучи падают здесь почти отвесно. Розовато-желтая пустыня отражает их сияние и, сливаясь вдаль с дрожащим воздухом, уходит за горизонт. Кажется, нет ей конца и края. И лишь широкая светлорылая Аму-Дарья, торопливо несущая свои воды к Аральскому морю, нарушает однообразие.

На горизонте появляется темная полоска. Сначала она становится сероголубой, потом зеленой. Полоса растет, ширится, и вот уже под крылом самолета, без всякого перехода, с резко очерченной границей, простирается гигантский оазис. Мелькают поля хлопка, риса, джугары, кукурузы, фрукто-

вые сады, бахчи, пастбища, рощи, поселки, покрытые темными шарами карагачей. Ряды тополей, посаженных на зеленые перья, тянутся вдоль линейных полос шоссе, железных дорог и светлорылых линий каналов и арыков. Широко раскинулось здесь зеленое царство. Все эти просторы орошены водами канала Кызкветкен.

Мне вспомнились памятные дни начала 30-х годов, когда на стройке канала были вынуты первые кубометры раскаленного грунта. Широкой полосой тянулся от берега Аму-Дарьи пестрый людской поток. Зеркальным блеском вспыхивали отполированные ковши экскаваторов и лезвия катков. Целью шли под погрузку белые от пыли автомобили и подводы.

Трудно жилось в пустыне без воды...

— Канал Кызкветкен у Нукуса

Главное сооружение канала Кызкветкен.

Прокапывать канал колхозникам Кара-Калпаки помогали молодые москвичи и ленинградцы, приехавшие сюда по зову комсомола.

И вот я снова побывал в том месте, где канал берет свое начало, откуда вода, прорезав песок на десятки километров, исправно поит богатейшие земли севера Кара-Калпаки. Какие изменения произошли здесь за эти годы! Вместо юрт и бараков, полузасыпанных песком, теперь вырос целый поселок. Среди зелени стоят белые дома.

От канала Кызкветкен мой путь лежал на север, к плато Усть-Урт. Трудная и долгая предстала дорога. Но невозможно было отказаться от желания побывать в этих легендарных местах.

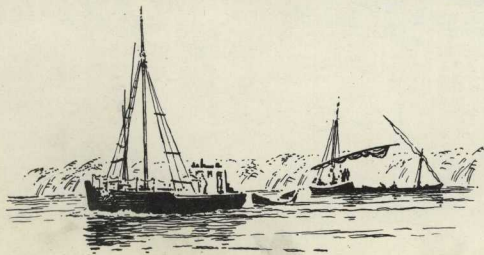
Усть-Урт — пустынный и мало-доступный край — простирается

Юго-восточный обрыв Усть-Урта

У причала Ургинского рыбозавода.

Рыбаки в дельте Аму-Дарьи

между Каспийским и Аральским морями. Четыреста километров с юга на север и пятьсот с востока на запад — вот его размеры. Почти двухсотметровой кремне-розоватой стеной падает восточный край плато в васильковые воды Арала.

Аральский берег Усть-Урта сказочно величественен. Народ воспел его в своих песнях. Первым ученым, поведавшим о нем, был флотский офицер А. Булгаков, который промерил в 1848 году глубины Аральского моря. В начале девятисотых годов Л. Берг в

В плавле

труде об Аральском море посетил обрывы Усть-Урта яркие страсти, которые и сейчас молодежь читает на переводе дыхания. В 1946 году С. Толстов открыл на плато равнины древних караван-сареев и изучил пути, связывавшие государство хорезмидских шахов с Киевской Русью.

Край этот богат рыбой, птицей, кабанами, лисицами.

Амур Урта

В годы гражданской войны в Кара-Калпаки хозяйничали шайки басмачей. Гибли стада, пылали подожженные бандитами кишлаки и поселки. Жители прятались в пещерах Аму-Дарьи. Но Москва послала сюда освободителей. По Кунградской дороге на сверкающие обрывы Усть-Урта ринулись тысячи всадников в выгоревших шлемах и гимнастерках, покрытых белыми разводами соли. Среди светлопалевых ущелий, сбегавших к Судочьему озеру, грянул бой. Лишь отдельным бандитам удалось прорваться на юг, в Кара-Кумы, где они потонули в бесконечном пространстве пустыни.

Советская власть положила конец вековым страданиям каракалпакского народа, открыла перед простыми людьми широкий путь к счастью и процветанию.

Сейчас по той же Кунградской дороге, по которой пришло сюда освобождение, к бастионам Усть-Урта прокладывается железнодорожное полотно. Строительство железной дороги создаст новые возможности для дальнейшего расцвета этого удивительного края.

Вс. БРОДСКИЙ

О С К Р О М Н О С Т И

Борис ЧИРКОВ

Из каких черт складывается образ человека, которого мы уважаем, который может служить для нас примером? Вероятно, большинство сойдется на том, что такой человек должен быть смелым, правдивым, честным, верным, добрым, настоящим и, разумеется, скромным.

Хвастун не может быть нашим героем, зазнайка не вызовет к себе симпатии. Скромность же человека только подчеркивает его достоинства.

Просим хвастуном, зазнайкой не хотим никто. Однако частица хвастовства и зазнайства сидит во многих из нас и время от времени вдруг выходит наружу. Подчас это происходит от нашей лени, иногда от нежелания добиваться нужного результата упорным трудом. Хвастаясь, мы желаем выдвигать за уже существующее. Хвастовство — это проявление неуверенного, несдерживаемого честолюбия.

Есть у меня несколько фотографий, на которых я изображен с бритой головой. Снимки эти уже старые, но до сих пор, глядя на них, я испытываю чувство несвобождения.

Вот их история. Примерно за год до войны режиссер Пудовкин решил ставить фильм о великом русском полководце Суворове. Как известно, до конца своих дней Суворов был человеком очень подвижным, горячим и неординарным. Исходя из всех данных его, режиссура подписывала актера, обладавшего подобными качествами. Найти такого человека было нелегко. Работники Мосфильма буквально с ног сбили.

Приблизительно в это же время один знакомый случайно спросил у меня:

— Неужели в кино нет актера, который мог бы сыграть Суворова?

И вдруг я подумал: «А почему бы мне не взяться за это дело? Я теперь не снимаюсь, никаких интересных планов у меня пока нет... Да, да, правильно! Сыграю Суворова!». Конечно, я не очень подхожу к этой роли по возрасту; меня нужно сильно «старить» гримом. И не полож и на него совершенно: Суворов был сухощавый, маленький человек, с острыми чертами лица, я же, наоборот, плотный, круглолицый... Но, с другой стороны, ведь я же актер, если и буду у меня недочеты по внешнему виду, то сыграть-то эту роль я все же сумею...»

Завесив все это, я сообщил в съемочную группу, что делаю заявку на роль Суворова. Мне ответили, что исполнить роль этой роли уже найден, но если я настаиваю, то мне можно устроить пробу.

— Да, да, конечно, я хочу попробовать... Я был уверен, что роль будет за мной; ведь я человек уже опытный и известный в кинематографе, а мой соперник — новичок. Должны же будут почитать за своим желанием и режиссер и киностудия!

Я пошел в парикмахерскую и обрил голову.

— Для чего? — спрашивали меня знакомые.

— Для роли Суворова, — отвечал я, — чтобы легче было казаться париком...

Суворова я не сыграл. Мне не дали эту роль, так как другой кандидат больше подходил для этой роли: лучше меня выглядел, лучше играл.

И вот воспоминанием о несмысленной

роль у меня осталась только гадко обретенная голова... Как вы думаете, приятно было смотреть на себя по утрам в зеркало?!

Я ругал себя за зазнайство и самоуверенность, я казаясь в отсутствии скромности, но было уже поздно. Я давал себе обещания никогда больше не быть хвастливым и самонадеянным, но... бритая голова (волосы отрастали медленно) долго еще напоминала мне о моем промахе. Это был хороший урок, который на несколько лет сбавил меня и осматрительнее и скромнее, но, к сожалению, память о нем поточнее выветрилась. Я забыл и свои огорчения и свои переживания, и снова эта злодейка-самоуверенность поселилась во мне.

Вызвать в жизни моменты, когда человека очень трудно прихвастнуть, задрать нос. Надо очень строго следить за собой, одергивать себя. Не всегда, правда, успеваешь это сделать вовремя, а иногда и просто забываешь об этом. У меня было еще один случай, который я до сих пор забыть не могу. Дело было за границей, в Париже.

Общество друзей Советского Союза организовало в Париже вечер «Абсолют» — вечер советской кинематографии. Парижане показывали популярный советский фильм «Каменный цветок». Зрители, заполнившие зал, горячо принимали картину, бурными аплодисментами приветствовали нас, работников советского кино, присутствовавших на вечере.

В конце вечера люди поднимались со своих мест и плотным косяком окружали нас. Оказалось, что парижане знали много наших фамилий и их героев. Помнили и моего интересного земляка Максима, роль которого играл я.

Горячие рукопожатия, дружеские похлопывания по спине. Но все это было только предисловием к тому, чтобы завести нас вступившим за дело — писать автографы. Это действительно была работа, торопливая и утомительная. Конечно, из фотографий, из визитных карточек у меня не было, и я подписывался на том, что мне подсовывали под руку. Тут были и программы вечера, и билеты, и записные книжки... Я ставил свою подпись на асуектах бумаги, на чьих-то удостоверениях личности.

Когда в ручке кончилась чернилка, мне дали карандаш, и я продолжал работу. Ручка отбежала от усталости, карандаш несколько раз оломался, а все новые и новые просьбы раздавались со всех сторон: «Максим! Максим!». Пожаулята... И снова приходилось писать и писать.

С окончанием большого успеха я пропущу на следующий день. И осенняя погода оказалась мне маем, и мой костюм сидел на мне как-то очень складно, и утренняя чай был вкуснее, чем обычно.

Взросом с товарищем мы отравились гулять. Мы шли по пустынной в этот час парижской улице. Я был весь погружен в приятные воспоминания о вчерашнем вечере, как вдруг кто-то громко и отчетливо прокричал:

«Максим!»

Что такое? Кто бы это мог быть? Наверное, мне почтудились... Нет, нет, снова кто-то протяжно закричал:

«Максим!»

Мне сразу стало тепло и как-то по-особому легко; да, вот это слава! Далеко-далеко от Родины, в Париже, меня узнают и при-

ветствуют... Было отчего гордиться! Было чем похвастаться! Подумать только: бывший вятский паренек из забытого прежде глухого городишки, который и взаляет-то пренебрежительно Ноайск, от слова «ноль», приехал в один из блестящих, нарядных и изысканных городов мира и пользуется здесь такой широкой известностью!.. Я тайком взглянул на своего приятеля: он шел, дела вид, что не слышит приветствия в мой адрес. «Ну, что же... подумаю...» даже и у хороших людей проясняется иногда заветное!.. Но я на него не обижался, — что гуделось!.. Должен же он понять, что я тут ил при чем: слава!

А француз на той стороне тротуара все махал мне шляпой и кричал:

— Максим! Максим!

Не обращать внимания на его настоящие призывы мне, казалось, было уже неудобно. Улыбаясь и ласково кивая головой, я направился к парижанину через дорогу, оставив своего изысканного французского товарища. На ходу я снимал правую перчатку, чтобы пожать руку новому поклоннику и поблагодарить его за добрые приветия. Я был от него уже на расстоянии пяти — шести метров, как вдруг, раздвоя нас, сзади бесшумно подъехала автомобиль, дверца его открывалась, и француз, приветствовавший меня, надел шляпу, нырнул в машину, и она тронулась, увозя моего «почтителя».

Я сразу счастливо смотрел на удаляющийся автомобиль и механически читал слово «такси», написанное на задней стороне кузова.

— Такси... Такси... — повторяя я, и вдруг меня осеняла догадка: конечно, такси! Этот человек все время подымал такси, а я от зазнайства решил, что он выкрикивает имя Максима, решил, что со вчерашнего дня все Париж только и думал, что обо мне... Такси!.. О, как мне стало стыдно! Мне лично казалось красивой позором...

Свидетельство моего позорения было только два человека: товарищ, который сбавил вид, что ничего не заметил, и я сам. Доло-доло я не мог простить себе этого зазнайства. Мне так ясно представилась все глупость моего упования на тот момент, когда незнакомый француз с удовольствием садится в такси, что кровь снова и снова бросалась в лицо...

Прошло уже много лет с той поры, и сейчас мне ясно, что в тот день я был хвастуном и зазнайкой. Не помня я того, что горячий пример зрителей в кинотеатре относился не ко мне, как актеру, удачно сыгравшему свою роль, а к Максиму, хорошему человеку, показанному на экране. К тому-то и относился восторг зрителей. Ему, представителю нашего государства, нашего народа, багродарные французы выражали свою искреннюю любовь и симпатию. А я все приняла на свой счет...

Каждый из нас может припомнить случай смешного, глупого хваста и зазнайства среди людей своего круга да и случая своего собственного хвастовства. И каждый раз повод для него можно отыскать или в ежедневной советской уладе, или в случайном повышении по службе, или еще в каком-нибудь непредвиденном своем успехе. Но на самом деле всякий

раз в зазнайство виноват сам человек, его несдержанность, отсутствие в нем скромности, критического отношения к самому себе и к своей деятельности. Следить за собой, проверять себя, сдерживать себя надо каждому, чтобы не превратиться в развешанного гордыня, пылающего эгоцентрическим, презрительным отношением со стороны окружающих.

Кто хочет быть похожим на барона Мюнхгаузена или на Фальстафа? Никто! Посмеяться над ними, послушать их хвастливые рассказы готовы все, но оказаться на их месте никто не хочет. А все-таки часто мы попадаем в положение этих смешных, развешаных и нахальных героев.

Как бы ни задирал нос новый начальник, сидя в своем новом кабинете, какой бы новой мебелью он его ни обставил, цену ему в глазах коллектива будет определять только его работой, а не манерой держаться.

В театр, где я работал, был назначен новый главный режиссер, человек, которого мы все знали как своего товарища, как интересного художника. Работники театра радовались его приходу. Но на посту руководителя он оказался совсем чужим для нас человеком. Он сразу же отгородился от своих старых знакомых и товарищей, стал по отношению к ним в позу большого и грозного начальника. Главный режиссер решил самостоятельно, в одиночку, руководить всей художественной, творческой жизнью театра. Он возомнил, что только он один понимает хорошо и близко в искусстве. Любый совет или предложение со стороны опытных своих товарищей режиссер отвергал только потому, что сам до этого додумался. Любую критику своих действий или пожелание в театре воспринимал как посягательство на его главенствующее положение в коллективе, как попытку ущемить его власть и развешать его авторитет.

Театр — это искусство коллективное, общее, и только дружной работой всех его мастеров можно добиться выдающихся результатов, сделать интересные и волнующие спектакли.

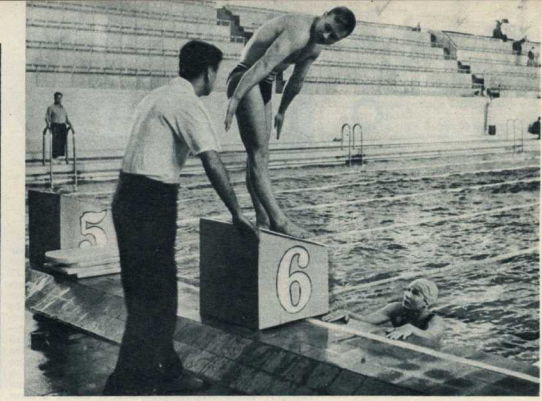
И потому наш руководитель провалился на своем посту. За все время его деятельности нам не удалось сделать ни одного действительно хорошего спектакля. Зрителя с меньшей охотой стали посещать театр, в театре поднялась интеллигентность, начались распри, и пришлось незадачливому главному режиссеру убраться из театра. А виновю всему было именно отсутствие у него скромности, его зазнайство.

Я все рассказываю случаи из той области, которая мне хорошо известна, но которую мало знают некоторые читатели журнала. Однако не в этом дело. Ведь человек зазнает и хвастается, независимо повсюду вокруг нас, да и в нас самих их немало. Как же бороться с этими недостатками?

Скромность надо воспитывать в себе так же, как и любую другую черту характера.

Скромность — это уважение к чужому труду, уважение к достоинствам и способностям других людей. Скромность — это значит больше требовать от себя, чем от окружающих идти вперед, желая достигнуть большего, чем ты умеешь и знаешь, постоянное стремление учиться. Это качество действительно свободного, умного, честного человека, человека нового, передового, социалистического строя. Только скромными людьми, то есть людьми деловыми и требовательными к себе, под силу те громадные задачи, которые ставит наше советское общество на заветы всем ретроградям, консерваторам, защитникам и приверженцам отмирающего капиталистического строя.

Нам есть у кого учиться, есть с кого брать пример. Лучшие люди нашей Родины, замечательные ее деятели одновременно со своими выдающимися талантами — умом, энергией, волей — непременно обладали и чрезвычайной личной скромностью.

Рекордсмен мира по плаванию Владимир Стружанов на тренировке.

«УКРОЩЕНИЕ ДЕЛЬФИНА»

Это было около двух лет назад. Собравшиеся в одном из московских бассейнов пловцы с интересом следили за тем, как то в одном, то в другом конце водной дорожки поднимались каскады брызг.

— Володя! Покази еще разок! — кричали с трибуны мастера спорта Стружанову, недавно вернувшись из Букуреста. Высокий, атлетически сложенный юноша, оттолкнувшись от стенки, сначала поплыл обычным баттерфляем, а затем, согнув ноги и работав ими вверх — вниз, стал демонстрировать перед товарищами новый способ плавания — дельфин.

— Верно, получается совсем по-дельфиньи! И ясно, откуда добавочная скорость. Сопротивление воды меньше, — проговорил тренер общества «Трудные резервы» Александр Павлаев.

Проплыл метров пятьдесят, Стружанов остановился и перевернул плывало.

У-ф-ф! Глазело! Рукам тяжело...

— Быстро ты выдохнул, — поддразнил его кто-то. — А вот Тумпек сто метров так идет.

Имя венгерского пловца Дьердь Тумпека было в те дни у всех на устах. Плавать стилем дельфин он установил новый мировой рекорд, стал чемпионом Всемирных студенческих игр. Успехи Тумпека представляли особый интерес потому, что всего только год назад дельфин как разновидность баттерфляя был узаконен международной федерацией.

Вернувшись со Всемирных студенческих игр, Владимир охотно показывал новинку, но для себя не находил в ней практической пользы. Дельфин нужен тем, кто плавает баттерфляем, а излюбленные способы Стружанова — кроль и брасс.

Однако тренер молодого мастера спорта отнесся к дельфину по-иному.

Хороший пловец, — говорил он своему ученику, — должен уметь всеми способами. Тренер помнил Стружанова совсем еще подростком, когда тот в 1948 году пришел в молодильную школу плавания «Трудных резервов».

Токарь, а затем электросварщик Володя Стружанов за два года стал мастером спорта по плаванию брассом. Позже он добился значительных успехов в кроле на длинных дистанциях. Неплохо освоил и плавание на спине и обычный баттерфляй, а теперь как будто начало ладиться у него и с дельфином.

Весной минувшего года произошло событие, однако малоизвестное и Стружанова и его тренера. Таглицкий пловец Эдальд Эдас в

комплексном плавании на 400 метров (баттерфляем, на спине, брассом и кролем) удачно сваял всевозможный рекорд, добившись результата международного класса — 5 минут 26,5 секунды.

— А ведь такое время и тебе, Володя, по силам. Конечно, если кто-то перестроится! — сказал Павлаев.

Они заспели возможность, и получилось, что Стружанов в самом деле имеет шансы претендовать на более высокий рекорд. Но для этого нужно несколько улучшить результаты в плавании на спине и баттерфляем. Дельфин, разумеется, занял в тренировках видное место. Но овладеть им было нелегко. Технику движения ног Стружанов освоил довольно хорошо: на пятидцатиметровом отрезке у него была отличная скорость. Однако ведь плыть каждым способом придется по 50, а 100 метров... На второй же полусоте Владимир Стружанов уставал, сбивался с ритма, терял время.

Стружанов и Павлаев искали наиболее правильное распределение сил на дистанции, пробаовали дельфин в различных вариантах. Тренировки продолжались, и у пловца день ото дня крепла вера в успех.

И вот летом 1954 года Владимир Стружанов проплыл 400 метров четырьмя способами за 5 минут 26,5 секунды, став новым рекордсменом Советского Союза.

Если после установления всевозможного рекорда его обладатель вдруг становится необычайно задумчивым и серьезным, если он то и дело сощелкает со своим тренером, можно почти безошибочно предположить, что речь идет уже о побитии мирового рекорда. Этот рекорд в комплексном плавании равнялся 5 минутам 18,3 секунды и принадлежал немецкому спортсмену Шенгауеру (ГДР).

— Разум солидный. Трудно будет его преодолеть, — говорил Стружанов.

Трудно, но возможно... Только уж тут без дельфина не обойтись! — отвечал тренер.

Слова тренера, Олега Стружанова плывало брассом, то кролем, то на спине, но особое внимание уделялось баттерфляю с дельфином. Шли бесконечные пробы.

В начале ноября прошлого года Владимир Стружанов поднялся на стартовую тумбочку, чтобы начать новый мировой рекорд.

Щелкнул выстрел. Описав красивую дугу, тело пловца ушло под воду. Через мигновение Владимир вынырнул и начал грести. Сомкнувшиеся ноги пловца сделали гребки, волнообразно

ное движение: вверх — вниз, непрерывно толкая тело вперед. Стружанов шёл быстро.

Следующие 100 метров претендент на мировой рекорд плыв в спине, что позволяло расходовать меньше энергии. И эта часть дистанции была пройдена с хорошим временем. Затем последовали 100 метров спокойным, уверенным брасом и, наконец, последия стометровка — брасом, стремительным кролем. Когда пловец коснулся финишной стены, секундомер показал 5 минут 15,4 секунды. Результат Шенгелера был превышен. Таким образом, Владимир Стружанов стал мировым рекордсменом.

Но освоил ли дельфин? Полностью ли подчинился он молочному млекопитаю? Нет, говорить об этом было рано. С помощью этого способа Владимир Стружанов достиг ошутимых успехов лишь на стометровой дистанции. Это отлично понимали прежде всего сам пловец и его тренер.

Завоевав мировой и новый всесоюзный рекорд в комплексном плавании, они начали думать и о рекордах баттерфляем на 200 метров. Конечно, старым, обычным баттерфляем теперь ничто не добьешься! Дельфин все больше начинают применять и советские и зарубежные пловцы. Его эффективность неоспорима.

Стружанов и Лалаев не жалели труда, искали наиболее рациональное распределение сил, а уже на новой дистанции. Пробовали по-одному, по другой ритм движения, вносили коррективы в некоторые элементы техники. Это уходило целые месяцы.

Настойчивость пловца и его тренера была вознаграждена весной этого года. Владимир Стружанов прошёл 200 метров за 2 минуты 30,2 секунды, превысив всесоюзный рекорд В. Мартынича.

Уроство Владимира Стружанова, его по-настоящему творческое содружество с опытным тренером продолжали давать свои плоды. В начале лета молодой пловец добился новых больших успехов. Всесоюзный рекорд заслуженного мастера спорта Л. Мешкова в плавании баттерфляем на 100 метров, державшийся девять лет, перешел к Владимиру, закончившему эту дистанцию за 1 минуту 4,8 секунды. Свой мировой рекорд в комплексном плавании на 400 метров Стружанов улучшил почти на 6 секунд, довел его до 5 минут 9,5 секунды. Наконец, молодой мастер показал и свой собственный всесоюзный рекорд в плавании баттерфляем на 200 метров. Теперь этот рекорд составляет 2 минуты 27,4 секунды. До европейского рекорда осталась лишь одна десятая секунды.

Вместе с товарищами по обществу «Трудовые резервы», вместе со многими другими соотечественниками и зарубежными мастерами водной дорожки Стружанов продолжает «укорачивать дельфина». Его товарищи по «Трудовым резервам», все советские спортсмены ждут от него новых успехов.

Евг. ШАТРОВ

Между италийскими пловцами Туи Нуан-Синон, Му Сан-Синон и советским рекордсменом по плаванию Владимиром Стружановым завязалась крепкая дружба.

Фото В. Тюкюндяи.

Народный поэт Франции

(К 175-летию со дня рождения Беранже)

В 1821 году в Париже состоялся необычный судебный процесс. Он привлек тысячи людей. К зданию суда шли толпы народа. Люди забыли все входы, заполнили все улицы перед зданием суда. Судьи могли пропустить в зал заседания только через окно.

Судили Пьера Беранже — любимого народом поэта-песенника. Выдавец на демократической сцене, воспитанник на свободолюбивых идеях революций 1789 года, Беранже только что выпустил свой сборник песен, провозгласив призывам к аристократии, духовенству, к нравам эпохи Реставрации. Эти песни поплыли дух не только в кругах оппозиции, но и в широкой среде народа. И вот процесс.

Ясно, что на стороне поэта было огромное количество масс. Судебный процесс над Беранже превратился в подлинную демонстрацию силочности свободолюбивых сил. Он закончился победой поэта-песенника. Но формальности все же были соблюдены: Беранже посадили в тюрьму на три месяца. И тут народ не оставил своего поэта. К тюрьме началось настоящее палачничество. За три месяца в камеру Беранже посылалась половина Парижа.

В стране усилывалась реакция. Темные силы душили всякую свободу мысль, живое слово. Но и выйдя из тюрьмы, Беранже продолжал создавать боевые песни, направленные против королевского правления. Своем агитационно-деятельность в полную силу Беранже развернул в дни июльской революции 1830 года, поднимая гражданские чувства народных масс. «Песни Беранже», воспитывали один из вдохновенней революций, — были тем патрионом, которыми народ строила в июльские дни.

Беранже боролся против реакции не только в песнях, кричавших словом. Он принимал личное участие в революции, находился в штабе повстанцев.

Но результаты революции в штабе горючили поэта: сверху Вурбонен при помощи народа, лобовая французская армия, восторженно короля — Луи-Филиппа, Беранже убедился: жизнь народа не стала лучше. Он отказался от

предоставления королю и от предложения войти во Французскую академию.

И новые его песни зазвучали так же революционно, как зазвучали раньше. В бой в грядущее братство народов проникнула его песня «Истинный союз народов».

Эту песню высоко ценил Карл Маркс. Он назвал Беранже бессмертным.

Общественные, боевые песни Беранже были боевым оружием против феодалов, дворянства, помещиков, против реакции и полицейского режима. Они и сейчас находят на вооружении у народных масс, борющихся за подлинную демократию и прогресс.

В августе этого года все передовое человечество отмечает 175-летие со дня рождения великого демократа-песенника.

Из стихотворений Беранже

Предсказание Нострадама на 2000 год

Савателль Генрика Четвертого рожденья,
Великий Нострадам, ученый астролог,
Одлажда предсказал: «Большие
превращения
В двухтысячном году покажет людям рок.

В Париже в этот год близ Луверского чертога
Раздастся жалкий стон среди растланных людей:
«Французы добрые, подайте ради бога,
Подайте вранушку французских королей!»

Так у толпы, к его страданиям равнодушной,
Попросят милости большой, бедша бамаков,
Изгнанными с юности, худой и золотушной,
Отрепанный старик — ветоха школяров.

И скажет гражданин: «Эй, человек с сумою!
Вель нищих всех изгнал закон страны моею!
«Простите, господин! Мой рок умет со мною,
Подайте же-нибудь потому королей!»

«Ты что толкуешь там с королевском слезе!»
«Да! — гордо скажет он, скрывая в сердце
На варство прадел мой вечахся в Ватикане,
С короной на челе, со скипетром в руках.

Он продал их потом, платая толпе безбожной
Газетных крикунов, шпатов и вралей.
Взгляните — вот мой жезл. То вощю мой
Корольский, догоревший.

Подайте же-нибудь потому королю!
Скочился мой отец в долгах, в тюрьме
К труду я не привык... И, нищих жизнь влача,

Изведать мне пришлось, что чувствует голодный
И как безжалостна десница богача.
Я вновь пришел в твою прекарную владычу,
О том, как отцов ватинья земля!
Ил настраданья к безмерности паления
Подайте что-нибудь потому короля!»

И скажет гражданин: «Иди, бедняк,
Жилища моего переступи порог.
Ми больше королей не чтиш своею
враждою,—
Остаки их родов лежат у наших ног.

Покуда ниш сенат в торжественном собрание
Решение судьбы произнесет твоей,
Я, ввук зарубецкий, не откажу в даване
Тебе, последнему потому королей!»

И дальше говорит великий предсказатель:
«Республика решит назначить королю
Сто лулардон в год. Потом, как избирать,
В парламент он войдет от города Saint-Cloud.

В двухтысячном году, в эпоху процветанья
Науки и труда, узнают среди людей
О том, как Франция свершила подаяние
Последнему потому королей!»

К молодежи

Любовь! юности лазури
На берегу, когда-нибудь
Вы пожелаете тех, чья груда
Встречала в море радосте буря.

Отгадыве тех им! С бурей споря,
В борьбе томительной устав,
Они погибали в бездне моря,
Вдали вам пристань указав...

(Продолжение. См. №№ 11, 12, 13, 14, 15)

В первые годы Великой Отечественной войны Григорий Окаемов, извинец Родине, перешел на сторону врага. После разгрома гитлеровской Германии его прибрали в руки иностранная разведка. Окаемов арестовали на территории СССР. Он пробыл в горах В. где расположен научно-исследовательский институт профессора Вольского.

Работники безопасности начали на слух анализировать. Было Окаемому удалось свертываться. Под вымышленной фамилией Шин устроился на работу в оперный театр шифром грузовой автомашин.

В городе организована усиленная охрана важнейших объектов, в том числе институт профессора Вольского.

Когда милиционер подошел к остановившейся машине, Окаемов, отнитив бензопровод, усердно продавал его. Милиционер, козырнув, вежливо спросил о причинах остановки.

— Ты бы поехал на такой машине! — закричал Окаемов на всю улицу. — Не видишь, что ли? Подача отказала! Или думаете, что я, галя, божья раба ради удамствать?

— Вы не шумите! — спокойно сказал милиционер, — а поскорее исправляйте и уезжайте. Здесь нельзя стоять. Видите знак?

— Не беспокойся, почевать тут не собираюсь — уже тише ответил Окаемов, наклонившись над мотором.

Через минуту к грузовику подошел Кудрявцев. Он вежливо улыбнулся, увидев стоящий в кузове золоченый царский трон.

В это время из здания института вышли полковники. Окаемов посмотрел на ручные часы. — Так, работа у них кончается, как везде, в шесть. Прерываю. Сколько сотрудников? Примерно сотня... Нет, пожалуй, побольше. Ну, кто же, теперь можно и ехать...

Он вышел из-под капота и оглянулся; перед ним стоял молодой человек и, улыбаясь, смотрел на измазанную музотом физиономию шифра. Окаемов вздрогнул.

— Ты чего пугаешь? Я не милиция. — Кудрявцеву надоело ходить молча, он решил поболтать с шифромом. — Застопорился?

— Третий раз за день. — Окаемов плюнул и с грехотом опустил капот. — Машине давно пора на капитальный ремонт, а измазанному — что говори, что не говори — выезжай, и все! — Окаемов влез на сиденье и нажал стартер, но мотор не завелся. — Вот проклятые!

— Ты зажигание не включил! — сказал Кудрявцев.

— Гляди! Верно! — Окаемов постучал себя пальцем по лбу. — Совсем зарпалотался. — Подмигнув Кудрявцеву, он включил первую скорость и тронулся.

— Какому царю трон везешь? — вслед ему крикнул Кудрявцев.

— Оперному!

Кудрявцев направился к перекрестку. Там уже виднелась знакомая фигура смешлика.

— А куда этот пареня от них? — думал Окаемов, ведя машину к театру. — Что ему, делать больше нечего, как гадать на грузовик? Да, вполне возможно, что он от них. Тогда zgodnam: лет ему двадцать пять — двадцать семь, блондин, очень мило смеется. Залюбил.

В хозяйство все пригодится. Если он от них, в этом нет ничего удивительного — они институт охраняют.

Когда во дворе театра рабочие стужали царский трон, Окаемов снова вспомнил о сероголазном парне. «Он заметил трон, а я, как дурак, ответил, что трон царя оперного... Вот слезла промах...» Об этом же Окаемов тревожно думал и в вахтерке, когда возвращался в общежитие. «Может, пока не поздно, перейти в другое автохозяйство? Нет, не надо. Театр — идеальное место. И нельзя паразитничать от каждого встречного. Одно ясно: надо действовать осторожно...»

В общежитии было шумно. Сегодня спектакля не было, и в комнате находились почти все жильцы. Рабочие сцены, стужившись вокруг деревянного сундука, разлези в «козла». Они так озабоченно били костылями, точно задались целью расколоть сундук. Их

окружала толпа болельщиков. Гармонист, надвигавший набок басовый аккомпанемент, играл. Давид закурил, товарищ, по одному.

— Правах старого знакомого к Окаемому пошел Коля Борков.

— Как дела, водитель?

— Дела как дела, — недовольно ответил Окаемов. — А что?

— Меня интересует: ты из Дома культуры только декорации привез или захватил и режиссера?

— Не знаю. Что погуляли, तो и привез.

— Как это так? — удивился Коля Борков. — Ведь тогда за режиссера придется еще раз ехать.

— Сажут — съезду, подумаешь, событие! Бензина не жалко...

— Бесит же государственник!

Окаемов разозлился: — Да ты что, с ума съехал? Три литра бензина! При чем тут государство? Языком ворочать не за этого съезде!

Коля Борков астал, удивленно посмотрел на Окаемова и, ничего не сказав, отошел.

3

Проходили дни за днями, не принося с собой ничего нового. Враг не давал о себе знать. Но Потапов думал о нем непрерывно. Даже по ночам Потапов часто будила мысль о какой-то непростительной ошибке, которую он совершил. Это было так: — увидев Кудрявцева и тогда снова заступил было уже невозможное.

В эти дни Потапов о чем-то думал в городе. Жена, понимая, что ему лучше быть одному, приезжала на квартиру, когда он находился в Управлении, готовила ужин и заправила, и оставив ничего не говорившую записку, снова уезжала на дачу.

Потапов уходил на работу рано утром. Он медленно шел через весь город, досада на безаппетитную улицу свету: как могут люди шутить, смеяться, болтать о всяких пустяках, когда где-то среди них притаился враг?

Полковник Астангов жил в еще большем напряжении, хотя внешне это у него никак не проявлялось. Потапов был занят делами только своей группы, а полковник непрерывно думал о действиях всех пяти оперативных групп; он отвечал за охрану пяти важнейших объектов.

Старый чекист, полковник Астангов выработал в себе способность при любом напряжении делать спокойный анализ обстановки. Показывая шифера автомобилям Сельхозсибы, подтвердил версию Потапова, и это зна-

чительно упростило поиски. Полковник был твердо уверен в том, что теперь Окаемов скрывается в каком-то коллективе советских людей. Его больше всего тревожила мысль, что Окаемов откажется от сделки на институт Вольского и выберет себе новую ячейку. Поэтому, полагаясь на Потапова в отношении института, Астангов притворно наблюдал за работой остальных оперативных групп...

Кудрявцев обстоятельно докладывал Потапову о результатах своего наблюдения за институтом и невозможно обжаловал, что майор слушает его невнимательно; он же и выиноват, что наблюдения пока ничего не дали.

— Ясно. Дальше! — торопил Потапов.

— Ну, в общем, она спугала номер дома.

— Ясно. Что еще?

— Наротив института останавливались грузовик. Мотор исправился.

— Время? — отрывисто спросил Потапов.

— Разрешите на это закончить, — окончательно обиделся Кудрявцев.

— Я спрашиваю, в какое время останавливался грузовик?

— В шесть.

— Мотор действительно не работал?

— Да. Водитель прочитал бензосчетом. Я орудувача попросил проверить. Он подтвердил.

— Номер машины записал?

— Нет. Я думал...

— Что вы думали, это неинтересно. Номер нужно было записать.

— Допустим оплошность, — тихо произнес Кудрявцев.

— У вас все?

— Все.

— Спасибо.

Потапов рассеянно смотрел на закрывающуюся за Кудрявцевым дверь, припоминая детали из сообщения наблюдателя.

Завонон телефон. Потапов взял трубку и услышал неожиданно веселый голос полковника Астангова:

— Чем вы заняты?

— Думаю, товарищ полковник.

— Что говорит, занятие полезное, — пошутил Астангов. — Может, вы зайдете ко мне и мы подумаем вместе?

— Изу.

В последнее время Астангов был молчалив и неприятлив, разговаривая сдержанно, словно нехотя. А сейчас Потапов увидел его в пре-

— Сергей Дмитриевич, я виноват, — начал он тихо и жалобно. Но хоть немного поубойте о моей судьбе. Выброшен из такого института. Это же концы. Да, да, Сергей Дмитриевич, конечно! А ведь я только-только вступил в жизнь... Что мне делать? Хоть в пелью. — Аксечук замялся, обхватив голову руками.

— В пелью? Что за чушка! Вы человек молодой, у вас впереди вся жизнь... Для Волского этот разговор был тяжелой loadностью. Профессор собирался провести его решительно. Но Сергей Дмитриевич уловнения — и все. Но так не получилось. И вот теперь приходится утешать и успокаивать уловленного.

— Сергей Дмитриевич! — со слезами на глазах воскликнул Аксечук. — Я до вас слово: такое никогда больше не повторится. Вы, обявление мне самый строгий выговор! Только не уловняйте!

Нет, товарищ Аксечук, приказ уже подписан. Поступить иначе я считаю возможным. Вы знаете, над чем работает наш институт. И вдруг сотрудник такого института не выполняет данного ему поручения, срывает большой эксперимент, и вдобавок, еще и потому, что о поручении он забыл. Причем подобные случаи бывали и раньше.

— Но ведь поручение мне дело, Сергей Дмитриевич, составляло такую маленькую часть, что... — В нашем деле маленьких частей нет, — перебил Волский. — Словом, мы с вами напрасно тратим время. Приказ подписан, и отменить его нельзя. Скажите секретарю все служебные документы.

Аксечук стал. Волский старался на него не смотреть, боясь, что в последнюю минуту скажется.

— Конечно. Консиль Профстате, профессор, за беспокойство, — сдвинувшим голозом, провознес Аксечук и, пошатавшись, направился к двери. И тут Волский не выдержал.

— Будьте устранными на новую работу, пусть откуда мне повонять, а вас поддержку. — Катастрофа, постигшая Аксечука, не была случайностью. Из всего, что произошло с ним за последние годы, самое страшное, пожалуй, заключалось в том, что он не сообразил до конца своей папы и не подумал, чем же она.

Николай Аксечук лишился матери, когда ему не было еще десяти лет. Отец, видный хирург, всю свою любовь отдал единственному сыну. Мальчик ни в чем не знал отказа, маленькую его притчу беспрепятственно выполнялся. Он рос капризным, избалованным ребенком. Постепенно Николай уверился в том, что ему предназначена беззаботная жизнь. Собственно говоря, он так и жил. Учился в школе, а затем в институте давал знание легко. На последнем курсе института он даже предложил идею нового прибора для испытания металла на прочность. Но довести начатое дело до конца у него не хватало усидчивости. Да и интерес Николай Аксечука был очень далеки от науки, работы.

Для года назад умер отец, и Николай сразу почувствовал, что жизнь далеко не так легка и беззаботна, как он себе ее представлял. На развращения своих денег уже не хватало. Быстро перебрал и круг веселых приятелей. Все они, еще вчера одолеваящие его телефонными звонками, стали любознательны, что в их компании вместе с молодой девушкой, из каскационной области, стали звонить все реже и реже. «Секретный физик без денег им быть не нужен. Злобная обзда на все и вся породила в душе Аксечука утомительную, тягучую зависть к людям, которых он считал удачливцами. «Ну, хорошо же, — не раз говорил он себе, — вы еще обо мне услышите!» Ему грезилось, как он в институте изобретет какую-то штуку, после чего сам Волский сделает его своим ближайшим помощником. Но прожить последние годы, а никак «штуки» он не придумывал. Работа интересовала его меньше, чем прежде. Появились умные равновидные к своему делу, по-видимому в конце концов в роковую закрученность, за которую его уловит и постигнет.

Аксечук дал секретарю документы. Сотрудник отделил кадры вручил ему трудовую книжку и отдал приказ, а кассир — выходящее посылочное. Он вышел из здания и пошел, не зная, куда направиться. Опустив руку в карман, нашудил только что полученные деньги. «Поиду напилью...» Эта тупая, бессмысленная мысль повела Аксечука к центру города.

Океаев шел следом за ним, не отставая ни на шаг.

Свет еще не зажегали, и в ресторане «Якорь» было пусто и мрачно. Аксечук сел за первый попавшийся столик.

Коньяк и фрукты, — небрежно бросил он официанту.

— Извините, сколько прикажете коньяку и какого?

— Бутылку лучшего, поскорей! — раздраженно ответил Аксечук.

Бутылка была уже почти опорожнена, когда Аксечуку обнаружил, что за соседним столиком так же одиноко, как и он, за бутылкой коньяку сидит какой-то незнакомец. Из взгляда встретился. Океаев сочувственно улыбнулся Аксечуку и поднял рюмку.

— За ваше здоровье, сосе!

— За ваше! — охотно отказавшись Аксечуку и лихо опорожнив рюмку.

— Давайте объединим наши усилия, — предложил Океаев, — пересякайтесь за мой стол.

— Нет. Вы за мой! — с пыльной общидностью возразил Аксечук.

— Буду очень рад, — согласился Океаев и, залитый собой почти нетронутой бутылку, перешел к Аксечуку. — Меня зовут Николай Алексеевич.

— Аксечук... Николай Евгеньевич Аксечук, — он хотел церемонно привстать и рассказать, но его зачехло на стол. Океаев незамедлительно поддержал Аксечука.

Выпили за знакомство. Океаев оперся лбом о кулак и мрачно смотрел на пустую рюмку. — О чем вы... так думаете, — запинался, спросил Аксечук.

— Жизнь, дорогой мой, — сложиле дело. И не всегда приятно, — не меняя позы, ответил Океаев.

Его слова тронули сердце Аксечука. Этот худрый человек вдруг стал ему таким близким. — Да, это так... истина, — шепотом провознес Аксечук, готовый сейчас же выложить историю, которую выслушал с его стороны. Но Океаев тотчас поужествовал эти и заговорил первый.

— Жизнь от меня ушла. Шесть лет жила одна душа в душу. Вместе работали в науке. Я ее любил. Думал, что и она любит, но горько ошибался. То, что ушла, — черт с ней! Тяжело пережить обмен, которого я не заслужил. Я так любил ее...

Из всего сказанного Аксечуку запомнил только, что его новый друг так же, как он, обманут жизнью и что он тоже человек науки.

— Ах, как я понимаю вас! — промелетал Аксечук.

— Тогда выпьем за нашу грустную встречу. — Океаев наполнил рюмки. — Как здорово подстраивает иногда старуха-жизни: ходишь со своим горем один; кажется, во всем мире нет человека, которому можно бы обо всем поведать. И вдруг приходишь в пустой кабак, и тут тебя ждет именно такой человек. За нашу встречу!

Что происходило дальше, Аксечук не помнит. Он проснулся в утробе в своей постели. Одежда его была аккуратно уложена на стуле. На тумбочке белела записка.

«Дорогой друг, я страшно виноват перед вами. Я не учел, что Вы крепко выпили до вечера. Искренне прошу прощения, ибо не хочу терять Вашей дружбы, друзей человека, так сердечно понявшего мое горе. Я позновю Вам. В. А.»

Постепенно, словно из тумана, начали проступать детали вчерашнего вета. Выпьюло хмурое лицо незнакомца. Как же его зовут? В. А. ...Да, кажется, от него ушла жена. Больше Аксечуку ничего припомнить не мог. Он просмотрел на будильник и замер: опоздал на работу! Небось, за полчаса дозвук вспомнил об увольнении. В голову зашевельились тяжелые думы о жизни: что же теперь делать?

Океаев позвонил в два часа: — Как чувствуете себя, Николай Евгеньевич? Небось, гуляете там.

— Ну, что вы! Это я должен просить у вас извинения.

— Тогда, может, не будем разводить дипломатию и поступим, как истинно русские люди: возмем и опоздаем.

— Я не прочь. Только...

— Я звонил из автомата, недалеко от вашего дома, и у меня с собой есть все, что надо. Могу я зайти к вам?

— Конечно! Заходите! — Аксечук искренно обрадовался возможности снова отдалить тяжелое раздумье о будущему.

Океаев был совсем не таким, как вчера. Он оживленно болтал, часто вспоминая о счастливых случаях, который свел их.

— После ухода жена, — говорил он, — сегодня я первый делю чувство себя человеком. Как, оказывается, важно иметь возможность поделиться своим горем! Верно?

Аксечук согласно кивал головой.

— Я кагда в институте отпуск, — продолжал Океаев, — потому что просто не представлял себе, как в таком состоянии буду работать, смотреть в глаза коллегам. А сегодня все это мне страшным уже не кажется. Спасибо вам, Николай Евгеньевич!

— За что? — смутился Аксечук.

— Как за что? За то, что вы взяли в свое сердце часть моего горя.

— Да я споре...

— Не спорьте, не спорьте. — Океаев умышленно не давал Аксечуку говорить, считая, что время для его исповеди еще не пришло. Мы подем сейчас за горю. А к вечеру вернемся. Ведь сегодня суббота, и я приглашаю вас в «Гранд-отель». Согласны?

— Я-то? С удовольствием, но...

— Простите, Николай Евгеньевич, за прамоту. У нас задерживает с деингами? Забудете. Тяжкие дни у меня в кармане и кое-что в книжке. Скопил на «Обед», но теперь семейные поездки на «Победу» отменяются. Вообще никакие разговоры! Похемки!

Целый день они разговаривали в такси по разным местам. Обедали на озере в ресторане «Полновоз». За обедом почти не пили.

— Побрежем силы для вечера, — шутил Океаев.

После обеда они часок поспали в сосновом лесу, а затем смотрели соревнования ахт. В 10 род вернулись к девяти часам вечера, на квартире Аксечука побырили и отправились в ресторан.

В этот вечер Океаев узнал от Аксечука много то повелось. Новому другу даже о своих интимных ветах. Выслушав историю, Океаев положил свою холодную руку на руку Аксечука и сказал:

— Вера вы утешили меня. Теперь я буду утешать вас...

(Окончание следует).

Малозвестный портрет
М. М. Пришвина.

М. М. Пришвин- фотограф

Замечательный певец русской природы Михаил Михайлович Пришвин был страстным фотографом. Еще в молодости с громоздким фотоаппаратом и охотничьим ружьем он любил бродить в краю непуганых птиц. Не случайно первая книга М. М. Пришвина была иллюстрирована снимками, сделанными самим автором.

Каждый из пришвинских снимков свидетельствует об удивительной наблюдательности, умении видеть мир во всем его богатстве и многообразии. Тут и весенние сежки ольхи, и не растаявшая еще белая полоса дороги на фоне черной пашни, и бурые весенние по-

токи, и десные лужицы, прихваченные с краев морозцем, и серебристые нити паутины со сверкающими каплями росы...

Иные идут по лесу, не замечая множества мелких, но выразительных деталей. По-другому видел лес Пришвин. Однажды он заметил на снегу след зайца. Это так заинтересовало его, что, забыв наиболее выгодную для съемки точку, он сфотографировал след косога, затерявшийся где-то под завалом кустарников. А вот другой снимок — хрустящая слочка, придавленная снегом. Кажется, пройдешь совсем рядом и не обратишь на нее никакого внимания, но острый глаз художника приметил в лесной чащобе это одинокое деревцо.

Как-то ранним зимним утром М. М. Пришвин увидел из окна своего загородного дома медведя. Зверь покорино следовал за пологом, громыхая цепью. Отец пригласил сыграна к себе и попросил его некоторое время остаться у вас со своим питомцем. В то время отец часто фотографировал игрушечного мишку на фоне живой природы. Он, видимо, задумал создать сказку, а для этого ему понадобился еще и живой медведь. Помню, с каким увлечением он снимал в лесу плюшевого медвежонка рядом с мохнатым лесным жителем. Во время съемок произошел, между прочим, курьезный случай: подымавший камеру нечаянно упустил медведя, и тот долго гонялся за ним по лесу...

В альбоме отца сохранилось много фотографий, на которых запечатлена богатейшая природа советского Приморья.

Когда М. М. Пришвин бродил с ружьем по нехоженым таежным тропам или, притаившись, часами подкарауливал в степи какого-нибудь зверя, под рукой у него всегда был фотоаппарат.

Л. АЛПАТОВ-ПРИШВИН

Весенний лес. Лучи яркого апрельского солнца пробивлись сквозь голые ветви деревьев, наполнив лес торжественным, праздничным сиянием.

Всюду жизнь.

Лишь видит оно, да зуб неймет...

Истребитель лесей.
— Сколько, дед Михайло, на своем веку убил лесей?
— Свою половину взял...

Невзира из запрет.

СЛУЧАЙ В ОКЕАНЕ

Едва за бортом слышны очертания островов, где экипаж лоджера «Дельфина» спускался на плавушу улов, как было обнаружено новое большое скопление сельди.

Быстро вывели шель. Погада багирействавала промыслу, и «Дельфина», плавно поначавшая на волнах, лег в дрейф.

Одним ночью подул сильный северо-восточный ветер. Лоджер то взлетал на гребень волны, то опускался вниз. Через фальшборт на палубу обружились огромные валы ошестрой воды.

Работали все молча. С неустанным упорством матросы выбирали сети. Радист пытался было развеселить команду — дать на палубу музыку, — но адаптер пригнул по пластине, и из динамика вырвался лишь треск.

Капитан судна невозмогел Борис Карпов все чаще и чаще поглядывая за бортом, бдительно выжидал суровые утеси.

«Много еще брасты?» — спросил Карпов у мастера по добыче.

«Сороб пть сеток, брать навалом!» — распоружился капитан.

Ветер и темнота несли судану прямо туда, где волны с грохотом разбивались о серые громады скал. «Неужели не успеет?» думал Карпов. — Неужели придется рубить сеть порядок сетки. Ведь это тридцать тысяч рублей...

На мостик поднялся старший механик Павел Литов. Кинком голови он поднялся на скалы и, прикрывая размышления капитана, спросил:

«Что, швартовать будем здесь?»

Капитан хмуро посмотрел на механика.

«Сейчас не до шуток... Машина не подведет!»

Работает! На часовой механизм... Капитан хорошо знал своего старшего механика. Не раз им вместе приходилось пересидеть череду в Северной Атлантике. Вescьям как-то в трудную минуту не прочь было пошутить. Капитан не сомневался на него: механик крепко знал свое дело.

От слов все отчетливо доносилось шум прибоя.

«За бортом оставалась одна сеть, когда очередной вал развернул лоджер адоль волны. Темени потонули сети назад: грохоча балибером о фальшборт, они поползли в воду. Удержал их матросица были не в состоянии. И тогда это, капитан хмуро отдал команду рулювому:

«Право на борт!»

Матрос привычно повернул штурваловое колесо, но вместо того, чтобы отренетовать фальшборт, снажало вперед.

«Товарищ капитан, штурвал что-то слишком легко тревал, повернул его влево,

вправо. Руль не подчинился; лопнула штурвал. Лоджер поперек управления.

Положение становилось критическим. Действовать надо было быстро. Оставив в рубке вахтенного штурмана, Карпов поспешил на палубу. Там он увидел, как старший механик, обхватившись веревкой, уми сшибал субинструменты, крепящие конуж штурвала. Наконец ему удалось сорвать конуж и согнуть перевернувшуюся цепь штурвала.

Капитан бросил взгляд на топанье из вод; утесов. Влиный намень, как богатырский меч, рассеял волны.

К нему-то и спосию лоджер. Постиравшись выскочил на палубе. Все грохнуло то на намень, и все шло вназад. Гибко «Дельфина» по на капитана, то на старшего механика.

Котв работал спонороно, держась за шлюбпалуб. Вот он что-то кинул, и к нему бросился боцман, держа в руке свободу.

Через несколько секунд Карпов жестом руки показал, что все готово. Раздался свисток боцмана. Капитан вернулся в рубку. Стараясь пригнать к своему голку койносте, он громко скомандовал:

«Право на борт!»

Лоджер лихорадочно боролся, потом развернул заржавленные волны и, пахнул вперед.

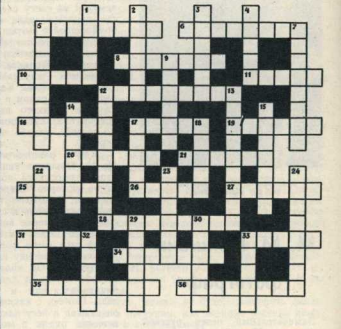
В рубке стояла тишина. Вспомнил о только что миновавшей опасности, о муществе зобедела, капитан был горд и доволен, который вышел попутным.

одного поедина со стихией.

К. ТИМОФЕЕВ
Северная Атлантика.

КРОССВОРД

Составил А. Фирсов (н. Чебоксары).

По горизонтали:

5. Любитель старинных предметов. 6. Герой романа П. Рязанского «Смелость». 8. Спортивный базис, открытый Ленивым. 10. Спортсмен. 11. Герой произведения А. Гайдара. 12. Редкий лес, соединяющий лесные массивы. 16. Русский композитор. 17. Лесная площадка. 19. Фигурный элемент. 20. Языковедность атома химического элемента. 21. Связь между словами. 25. Длинный занавес, ствол однорукого оружия. 26. Зверек с ценным мехом. 27. Построение в шеренге по росту. 28. Художественное оформление сцены. 31. Фрукт. 33. Главная артерия в кровеносной системе. 34. Выпуклый сахар. 35. Предохранение от зарывания при операциях.

По вертикали:

1. Цитрус. 2. Сорт гуся. 3. Испания. 4. Сорт яблок. 5. Докладчик об окончании учебного заведения. 7. Водное животное. 9. Научно-фантастический роман А. Толстого. 12. Город в Украине. 13. Искусство приготовления пищи. 14. Коллективное хозяйство. 15. Часть горной. 17. Массовое политическое состояние. 18. Советский спортсмен. 22. Гвардия с обычным первым плавком. 23. Новомодный на корабле. 24. Научное предположение. 29. Прозрачная бумага, применяемая при черчении. 30. Пауза в стихотворной строке. 32. Горная система в Европе. 33. Место для представления.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15.

По горизонтали:

1. Робинзон. 2. Кохинка. 3. Доризо. 4. Верендей. 6. Андрейв. 7. Гротланд. 12. Авеню. 13. Вильгельм. 15. Ручок. 16. Ассес. 19. Гросман. 20. «Варвары». 21. Нозниов. 22. Вронский. 25. Терин. 27. «Зарво».

По вертикали:

5. «Портохала». 7. Григорьев. 8. «Вирно». 9. «Андринет». 10. Исавв. 11. Издание. 13. «Проводы». 15. «Репка». 17. Неостров. 18. Островой. 19. Гонимов. 21. Неараво. 23. Вазов. 24. Суватор. 26. Назлов. 28. Оскар. 29. Гадко. 30. Руссо. 31. «Партизаны». 32. Вейнсий.

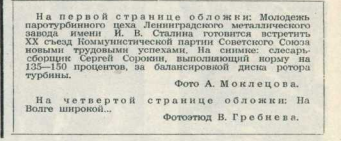

Фото А. Моклекова.

На четвертой странице обложки: На Волге широкой...
Фотоотвод В. Гребнева.

НА ОБЛАСТНОМ ФЕСТИВАЛЕ

Во многих городах нашей страны прошли фестивалы молодежи. В них приняло участие миллионы юношей и девушек. Один из таких фестивалей состоялся на западной границе нашей Родины, в Врестской области.

необычайное оживление царило на всех дорогах, ведущих к урочищу Гута-Махалин, Ижевского района. Здесь, в одном из самых живописных уголков Республики, открылся областной фестиваль молодежи за мир и дружбу.

А. КОЖИН, В. ГЕРМАН

Главный редактор М. А. Величков.

Оформление номера В. Максина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правда», 24. Иад. № 681.

Тел. Д-3-34-24. Дата 2019.

А 03400. Подписано к печати 6/VIII 1955 г. Тираж 250 000 экз. Формат бумаги 70 x 108/16. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Пролетарий» имени И. В. Сталина.

**МИХАЙЛО МИХАЙЛОВИЧ
ПИШЕТ ДИССЕРТАЦИЮ
НЕВЫДУМАННАЯ СКАЗКА**

Все стали величать его Михайлом Михайловичем, как только он окончил лесной вуз и получил диплом. А он, получив диплом, задумался:

«Что же теперь делать мне, молодому медведю? Развехались мои товарищи кто куда. Один берлоги строить будет, другой рациональные способы добывания меда у лесных пчел ищет, третий... Да что о них говорить! Разве я ровня им! У меня диплом с отличием, ума палата, сердце тонкое, к поэзии чувствительное. Мне ли прозрачными делами заниматься!»

Пришел к Михайлу Ивановичу, отцу своему, да так и сказал: ждет, мол, меня будущее великое. Михайло Иванович в лесной администрации начальником был. Звонил по телефону Сова, ведающей управлением высшего образования, и не успел Михайло Михайлович оглушиться, как стал аспирантом растениеводческого факультета.

Где и пользу лесу принести, как не здесь! Коллектив подобрался хороший, работоспособный. Кандидат наук Дятел ден-

но и ночью долбит статьи о борьбе с короедами, аспирант Тля изучает химический состав листвы.

Поэтической душой Михайла Михайловича претрила такая деятельность.

Вскоре кафедра утвердила тему его диссертации: «Шелест листвы в различные времена года».

В своей диссертации молодой ученый задался целью доказать, что самый мелодичный шелест бывает в середине лета, самый слабый — зимой, потому что листья отсутствуют.

Прошло десять лет. На одном ученом съезде встретились старые друзья. Один достает берлог, другой открыл новый способ добывания меда. А Михайло Михайлович остановился на главе «Шелест листвы осенью», особенно сложной главе, и не видит конца своей работе.

Борис АГУРЕНКО

г. Ростов-на-Дону.

Дятел

**НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ
СПОРТСМЕН**

Ему расстояния совсем не страшны,
Но порой ему кажется все-таки,
Что дистанции длинные слишком
длинны,

А короткие слишком коротки...
И пока ему все это кажется,
Он бежать ни за что не откажется.

В. ВИКТОРОВ

Плюсса, Пенсовской области.

ВОЗЛЕ БРОДА

У речки в день погожий
Задумчиво стоял Прохорчик.
— Попутчики, гляжу, с тобою? —
Приветствуя его, спросил Другой.

— Да... Но в обратный путь.
Едва я, друг, успел шагнуть,
Вода почти что по колено —
Утонешь непременно.

А уверял народ,
Что будто бы тут брод.
Изменчива, видать, река.
— Да так ли уж вода-то глубока?
Пойдем!

Ну нет, оставь!
Не проберешься даже вплавь,
Глады, какой быстрак!
Придется возвращаться на большак.
Но слушаю его, Другой,
Рюкзак поправив за спиной,
Решительно пошел вперед.
И что же!

Здесь оказался брод.
Из бешни, кто захочет,
Вывод сделает прямой:
Где смельчак петлю не замочит,
Там трус с головою.

Николай МИЗИН

г. Сталинград.

В кузнечном цехе, как и в ряде других горячих цехов, оборудование и технология производства находится на таком же уровне, как и 25 лет назад. Главный металлург тов. Асенов, его заместитель тов. Титов и начальник центральной металлургической лаборатории тов. Лакедемонский не уделяют должного внимания внедрению новой техники.

— Ходи, дом, ходи, хата,
Пропадем мы без хватат!
Был бы бабушкин хватат,
Все дела пойдут на лад.

(Газета «Сталинец», Московский автозавод имени Сталина).

